

"Трамвай для влюбленных"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Дарья Лаврова

30 августа — 2 сентября

Ваня

10-21 сентября

Ваня

23-30 сентября

Ваня

5-16 октября

Ваня

20 октября- 1 ноября

Ваня

20-25 декабря

Ваня

27-31 декабря

Ваня

Дарья Лаврова

Трамвай для влюбленных

30 августа — 2 сентября

Наташа

Три месяца назад — в один из последних дней весны — я столкнулась с Игорем в коридоре первого этажа школы. Я видела, как он спустился вниз после урока физкультуры, прошел мимо столовой и решительно направился к выходу. Приближаясь, он смотрел на меня. Или мне казалось, что смотрел, потому что мне хотелось так думать. Девочки часто принимают желаемое за действительное. Особенно влюбленные девочки. Особенно в моем возрасте.

На нем темные джинсы и узкая рубашка — в тонкую сиреневую полоску. Рукава аккуратно засучены до локтей. Темные кроссовки. В руках папка.

Игорь учится в нашей школе с зимы, перешел в одиннадцатый класс. Я часто видела его — в очереди в столовой, с сигаретой за гаражами, да где только я его не видела, но именно в тот день — в конце мая в тринадцать часов сорок восемь минут — я поняла, что это случилось.

Мы шли навстречу друг другу. Я смотрела на него, а он на меня. Мы поравнялись, в следующую секунду прошли мимо. Ничего особенного — просто момент времени. Момент, когда меня замкнуло.

На следующий день я узнала его фамилию и нашла «Вконтакте». Просмотрела все его фотографии и логически вычислила бывшую девушку. Она была обычной. Не лучше и не хуже меня.

Три дня назад моя подруга Нина написала, что не будет со мной разговаривать, пока я не познакомлюсь с Игорем.

Пять минут назад Нина прислала эсмэску, что через полчаса будет ждать меня во дворе дома номер девять на улице Академика Королева, где мы часто сидим после уроков.

Теперь я стою на остановке и жду трамвай 17.

На мне черные балетки из магазина ALDO. Я купила их больше года назад — перед тем как пойти в десятый класс. У меня тридцать девятый размер ноги. Казалось, они были мне впору, но каждый раз — стоит мне надеть туфли, я боюсь, что сделаю шаг и внезапно потеряю одну из них. Я та еще Золушка.

Когда трамвай открыл двери на остановке, за мной уже успела собраться очередь из пяти человек. Я поднималась вверх, доставая проездной из сумки. Первая ступенька, вторая, третья... и вот, туфля с правой ноги плавно падает на первую ступеньку — прямо на ногу какому-то парню. Тот усмехнулся и поднял глаза на меня. Вот ведь прикол! Обязательно расскажу об этом Нинке, когда приеду. Надеюсь, он не подумал, что я специально сделала это, чтобы познакомиться с ним. Я ведь даже не успела его разглядеть. Вряд ли я узнаю своего принца, если вдруг когда-нибудь столкнусь с ним на улице. Вроде он ничего. Ничего. Таких парней тысячи.

Я сажусь у окна, надеваю наушники и включаю подборку песен Lana Del Rey. Ловлю себя на мысли, что все еще улыбаюсь. Глупая Наташа. Глупые черные туфли. Глупый принц.

Мужчина впереди оборачивается и что-то говорит мне. Я вынимаю наушник из левого уха, чтобы понять, чего он от меня хочет.

— До Дома мебели далеко ехать? — спросил он.

— Вы едете не в ту сторону, — ответила я. — Вам в другую. Если выйдете на следующей, то нужно проехать три остановки назад. Он будет как раз напротив остановки.

Мужчина кивнул и улыбнулся. Вот идиот. Такой взрослый, а заблудился на ровном месте.

Меня часто спрашивают, как пройти или доехать куда-либо. Даже если я сплю в метро или иду в наушниках. Мне кажется, я выгляжу такой няшей, что даже тогда ко мне обращаются за советом. И это странно. Потому что я не очень люблю людей.

Это всегда случается неожиданно — в плеере села батарея. В эти моменты мне не остается ничего другого, как подслушивать чужие разговоры. Неважно где. На улице, в очереди, в транспорте или по телефону.

Я не придаю этому значения. Не пытаюсь увидеть в этих разговорах какие-то магические знаки или предсказания. Не ищу ответы на свои вопросы. Все это глупости, мне просто интересно. Иногда смешно. А иногда грустно. И в то же время приятно. Чувствуешь себя крутой, зная, что в своем возрасте — намного круче и умнее многих ровесников.

Рядом со мной стояли две девочки в одинаковых кожаных куртках. На голове небрежные пучки, прямые челки, рукава засучены до локтя, на шее болтаются аккуратные белые наушники. Левая протянула руку с айфоном, прислонилась к подруге и сфотографировала. Я знаю, что в этот момент на одной из миллионов страниц «Вконтакте» появится квадратная, не совсем четкая, обработанная в инстаграмме фотография с каким-нибудь тупым комментарием.

— Ты его видела? — равнодушно спросила левая.

— Ага, с Галиной трепался в коридоре, — ответила ей правая.

— И чего?

— За-а-айка.

— У него чего, уши и хвостик есть?

— Нет, Ник, ты что, совсем тупая, что ли? Какой еще хвостик и уши? Клевый парень. Загорелый такой, красивый, глазки карие, блондин.

— Высокий?

— Чуть выше Галины, нормальный такой.

Через полчаса я вышла из трамвая, перешла через дорогу и прошла во двор. На скамейке у песочницы уже сидела Нинка и поглядывала на часы.

— Ты ни за что не догадаешься, что я сделала только что! — смеялась Нинка. — Наташ, я просто не смогла удержаться.

— Что случилось? Я тебя не понимаю.

— Расскажу по порядку. Слушаешь?

— Ну!

— Нет, ты лучше сядь. Короче, иду сегодня из магазина, а на встречу мне Игорь. Совершенно один! И я вдруг говорю ему: «Привет!» Не знаю, как это получилось. У меня это как-то само собой вырвалось. Слово не воробей и все такое. Он мне тоже: «Привет!» Я ему говорю: «Я Нина. А тебя как зовут?» Хотя я и так знаю, как его зовут. Ты ведь последнее время только о нем и говоришь. В общем, сказал, что он Игорь, а я попрощалась и ушла домой. Слушай, скучный он какой-то у тебя. И такой стеснительный. Наташ, ты обиделась?

— Стерва!.. — шутливо прохрипела я, пригрозив ей кулаком.

— Ты могла и сама так сделать, между прочим. Ну ладно, не переживай. Зато теперь, когда я знакома с ним лично, то могу вас познакомить. Не переживай, все будет нормально.

— Я-то не переживаю. Это тебе теперь нужно переживать, — еле сдерживаю смех. — Ну и как ты себе это представляешь?

— Мы подкараулим его после пятого урока на перемене, подойдем к нему поболтать, я представлю вас друг другу, а потом оставлю наедине. Мм?

— Это отстой, Нин. Давай, завтра познакомишь?

— Да в любое время. Главное, будь пораскованней, иногда пожестче. И не стесняйся. Это он, а не ты, должен смущаться и теряться от твоей уверенности и красоты. Так что оденься завтра нормально, а не как обычно.

В этом дворе мы сидим не случайно. Почти два года уже. В доме, окна которого выходят на детскую площадку, на седьмом этаже с прошлого года живет Алишер — бывший парень нашей подруги Насти, которая еще не вернулась с моря.

Настя говорит, что хочет с ним встречаться, хотя Алишер ей не очень нравится. Странно. Не знаю, бывает ли так. Не важно. Важно, что раз в неделю мы обязательно приходим сюда и пытаемся выследить его.

— Смотри-ка, это не его брат на велике едет? — Нина кивнула в сторону асфальтированной дороги. Под окнами кирпичного дома ехал мальчик. Не старше десяти лет. — Я подойду к нему.

— Давай, вали, — вздохнула я.

— Не радуйся, я ненадолго.

— Посмотрим.

Я достала смартфон, чтобы проверить сообщения «Вконтакте».

Вдалеке Нина уже остановила младшего брата Алишера и что-то у него выпрашивала. Поболтав пару минут, она взялась за руль велосипеда и неуверенно поехала вдоль дома. Брат взволнованно смотрел ей вслед и чесал голову. Развернулась у соседнего дома и приехала обратно. Передала велосипед хозяину и довольная направилась ко мне.

— Это было круто, — сказала она. — Почему у меня нет велосипеда?

— Потому что ты дурочка.

— Да, это многое объясняет.

— А этот малолетка не будет против, если я тоже прокачусь?

— Он хороший парень, — кивнула Нина.

Я не каталась больше трех лет. Мой старый велосипед стоит в сарае на даче за сто двадцать километров от Москвы.

Прокручиваю правую педаль, чтобы была сверху. Нажимаю ногой, сажусь, держу руль, еду. В животе бабочки, на лице улыбка. То же самое я чувствую, когда вижу Игоря в школе. Оглядываюсь назад — Нинка и малолетка, едва достающий ей до плеча, взволнованно смотрят мне вслед.

Отворачиваюсь. Навстречу едет машина. Еще далеко, но с каждой секундой все ближе и ближе. Пытаюсь затормозить и быстро отойти в сторону, зайти на тротуар. Кручу педали назад, но велосипед продолжает гнать навстречу машине на той же скорости. — Тормози! — голос Нинки издалека.

— Тормоз на руле! — незнакомый детский голос. — Нажми руками!

До машины метров пятнадцать. Я резко нажимаю на тормоза, велосипед останавливается у тротуара, и я со всего маху падаю с него на бок. Сильно ударяюсь задницей и левой ладонью о грубый асфальт. Сижусь и боюсь подняться на ноги, а рядом со мной лежит чужой велосипед.

— Ты как, в порядке? — Нинка и мальчик за минуту оказались рядом. — Встать можешь?

Я встала и отряхнулась.

— Руку покажи.

Я отвернулась, зажмурилась и протянула Нинке ладонь.

— Нужно промыть и продезинфицировать, — сказала она, ничуть не испугавшись. — Круто ты ее разодрала. Пойдем ко мне.

— Все так плохо? — спросила я, все еще боясь открыть глаза.

— Заживет до Нового года, — ответила Нина, а потом задумчиво добавила: — Наверное. Чего ты как маленькая, посмотри уже.

Осторожно открываю глаза и смотрю на ладонь. Прямо под большим пальцем. Ошметки кожи, сквозь которые медленно сочится кровь. Песок, мелкие камушки...

— Обычная асфальтовая болезнь, — умничала Нина. — Лечится йодом. Но у меня дома только зеленка.

— Я должна прыгать от счастья?

— Теперь я буду звать тебя Зеленой рукой. Ты ведь не против?

* * *

Нина резко поставила пузырек зеленки на кухонный стол. Достала пачку ватных дисков, перекинь водорода и захлопнула дверцу кухонной полки. Открыла пузырек зубами и взяла мою руку.

— Знаешь, что это? — спросила она, пытливо заглядывая в глаза.

— Это моя рука, Нин, — ответила я.

— Нет, — отмахнулась она. — Вот это. — Показала пальцем на рваную, все еще кровоточащую

ссадину на моей ладони. — Спокойно. Сейчас может сильно щипать. Только громко не ори, ладно?

Нина взяла меня за руку и притащила к раковине. Одной рукой она держала мою ладонь, а другой лила перекись водорода на ссадину, которая тут же покрылась мелкими белыми пузырями и даже начала тихо шипеть. Боли я не почувствовала. Нина отставила в сторону перекись и подула на ладонь.

— Хиромантию знаешь?

— Делать мне больше нечего. А что?

— Это линия жизни, — сказала Нина, пропитывая ватный диск зеленкой и прикладывая его к ссадине. — Полукруглая. Видишь?

— Ну да, вижу. И что?

— А это холм Венеры. Между линией жизни и большим пальцем.

— А можно как-нибудь более понятно выразаться?

— Знаешь, на многих схемах с иностранных сайтов эта часть ладони подписана просто словом «love». Знаешь, как переводится?

— Понятия не имею.

— Вот поэтому ты ни с кем и не встречаешься.

— Стерва, — протянула я.

Нинка показала язык и закрыла пузырек зеленки.

Моя ладонь была теперь зеленой почти на треть.

— Зато теперь, может, узнаешь.

— Конечно, ты же познакомишь меня с Игорем.

— Познакомлю, — улыбнулась Нинка. — Только ты ладонь себе завтра пластырем заклей, а то испугается еще.

— Не волнуйся, заклею.

— У тебя сильная ссадина, заживать долго будет, наверное.

— Да, блин, — вздохнула я. — След останется. У меня от любой царапины следы остаются. По три месяца держатся.

— Да-да, — многозначительно качала головой Нина. — Линии на ладони могут поменяться.

— Фигня какая. А это плохо?

— Да кто ж его знает. Заживет, увидим.

— Больше никаких велосипедов.

— Договорились.

Из окна кухни был виден школьный двор, гаражи и машины. По школьному стадиону гуляла пара, а вокруг них бегали собаки. Непонятно какой породы. С восьмого этажа плохо видно.

Я вышла из подъезда Нинкиного дома, когда уже начинало темнеть. Вышла на улицу Королева. Верхушка Останкинской башни уже светилась желто-оранжевым светом. Я перешла на другую сторону и села на остановке трамвая.

За мной на двойном сиденье ехали девушки. Одна шумно жевала жвачку. Пахло мятой. Хотелось двинуть ей в челюсть или хотя бы заткнуть уши, но плеер отключился еще по дороге сюда, так что приходилось терпеть и подслушивать.

— ...а это вообще нормально?

— Ничего, переболеет.

— Думаешь? Мне не очень нравится эта компания. Ей надо парня хорошего найти.

— Подруги и так уже достали ее, на мозги вечно капают, что парня найти надо.

— Это все потому, что она до сих пор страдает по Липину. Надо познакомить ее с кем-нибудь. И Наташку тоже.

«Это точно», — подумала я, вылезая из трамвая на своей остановке.

Большим пальцем шевелить было трудно. Болел холм Венеры — между ним и линией жизни. Похоже, что заживать будет долго. Вкрапления запекшейся крови на зеленой ладони намекали на это.

Перед сном сижу «Вконтакте» с мобильного телефона. Сначала отвечаю на сообщения, потом читаю новости, лайкаю самые смешные посты сообщества «Веселый социопат» и «Корпорация зла», читаю свой гороскоп на каждый день. Если прогноз хороший — лайкаю и кидаю себе на стену, а если нет — просто не обращаю внимания.

У меня в закладках всего пять человек.

Фотограф Катя, модель Саша, писатель Маша.

Есть несуществующий парень Дмитрий — этот аккаунт я завела для папы, чтобы ему было удобнее искать интересные политические видеоролики. Здесь ведь можно найти все, что угодно. «Вконтакте» — та еще помойка. Также с этого аккаунта сидят мама и бабушка, но они смотрят русские сериалы, если по какой-то причине не успели посмотреть их вечером. А иногда я сама сижу под именем Дмитрий. Например, когда не хочу ни с кем общаться, отвечать на сообщения и все такое. Одним словом — слушаю музыку и прячусь от людей. Очень удобно.

Пятый человек — это Игорь, чью страничку я знаю наизусть. Я ведь каждый день захожу на нее десятки раз. Смотрю, когда он был последний раз, а если он не заходит больше суток — начинаю волноваться. Нет, я не боюсь, что с ним что-то случилось. Я думаю, что у него может быть девушка, и уже заранее начинаю ревновать. Но и это не пугает меня. Я не из тех, кто

опускает руки и не лезет в чужие отношения. «Ах, у него есть девушка, я не буду лезть в их отношения», — часто говорят хорошие девочки, вроде моей подруги Насти. Девушке нужно быть хитрой и наглой, чтобы не упустить свое счастье. Не думаю, что Игорь — мое счастье на ближайшие двадцать лет. Я думаю, что учиться отношениям нужно уже сейчас, чтобы в двадцать было проще.

Есть еще шестой человек. Он не менял аватар с десятого января, а заходил последний раз неделю назад. Фото в профиль, парень в черной шапке с прикрытыми глазами, немного наклонил голову вперед. Вокруг снег. Много снега. Сверху падают белые хлопья, задерживаясь на рукавах его куртки.

Я все так хорошо помню, что хочется забыть.

Ваня

Когда я вышел из дома, она сидела на скамейке у подъезда и курила, следя за каждым моим движением. Она не отводила глаза, не улыбалась, не смущалась ни секунды. Я сел рядом, в полуметре от нее. Худые ноги, черные колготки, рваные джинсовые шорты, грубые ботинки. Темно-рыжие кудри и брови, будто аккуратно нарисованные кусочком угля.

Она смотрела прямо. Я смотрел на нее. Шикарная в своей небрежности. Девушка не была женственной. Хотелось затащить ее силой в подъезд, прижать к стене и целовать до удушья.

— Будешь? — протянула мне бутылку, завернутую в бумажный пакет. Черные ногти, ободранный лак. Странно.

— Что это?

— А ты попробуй.

— Давай, — делаю глоток, пробую. Противный пряный запах. — Дрянь какая. Так и знал. Чего вы все это пьете? Дерьмо же.

— Это же энергетик, он полезный, — улыбается девушка. — Там на баночке сзади все написано. Я тебе потом покажу. Там даже витамины есть!

— Да ну тебя.

— Меня зовут Эля.

— А я Ваня.

Первый раз я увидел Элю позавчера, когда заходил в гимназию узнать расписание. Проходил мимо актового зала, а там она. Одна, на пустой сцене с тряпичным занавесом. Какая-то надпись на английском. Девочка сидела ближе к правому краю, перед синтезатором. Играла песня Рианны. Что-то там про Калифорнию. Девушка открывала рот и нажимала на клавиши. Не совсем уверенно, будто пыталась сама подобрать мелодию к песне. Я стоял как вкопанный, не мог сдвинуться с места. Девушка заметила меня. Песня и музыка резко прервались на полуслове. Она посмотрела в мою сторону и громко рассмеялась. Ее смех отразился от стен зала и почти оглушил меня, вошел в резонанс со стуком сердца. Даже голова на миг

закружилась.

Голос был низким, немного грубым. Может, даже прокуренным. Это она только что пела. Голосом чернокожей девушки. Белые так петь не умеют.

На следующий день я заметил ее у своего подъезда. Поздно вечером она выходила на прогулку с собакой. Эля была растрепанной, с огромными наушниками, что-то тихо напевала себе под нос. Она презрительно посмотрела мне в глаза и отвернулась.

* * *

— А я тебя видел во вторник в актовом зале.

— Я тебя тоже, — ответила она. — Ты, наверное, из новых жильцов с седьмого этажа. Вы на прошлой неделе приехали.

— Точно. Это вы по вечерам у подъезда сидите, да и по ночам тоже. Наша madre так бесится на вашу тусу... Заснуть не даете. Ты здесь учишься?

— Да, в одиннадцатый перешла. А ты?

— И я.

— Ты, наверное, в «Б»?

— Откуда знаешь?

— От верблюда, — улыбнулась она. — Народу в классе мало, всех новеньких записывают к нам. Так что будем учиться вместе.

— Место за партой рядом с тобой еще свободно?

— Это неважно, — смеялась она в ответ.

— Слушай, а парень у тебя есть?

— Это тоже неважно.

— Ну, может, тебе кто-то нравится?

— Может, — ответила Эля.

— Как думаешь, у меня есть шанс?

— Ай, каки-и-ие мы самоуверенные.

— Ну, вот представь, подходит к тебе парень: высокий, спортивный, красавец, блондин — что ты сделаешь?

— Я подумаю. А варианты ответа у тебя есть?

— Не понял.

— Ну, когда пишешь тест, отвечаешь на вопросы, выбираешь правильный ответ из трех или больше вариантов. Если ты их назовешь, мне будет легче ответить.

— Это контрольный вопрос. Придется самой думать.

— А подсказки?

— Какие еще подсказки?

— Звонок другу, например? Или помощь зала... — смеялась Элька. — Или ты сам подскажи. На экзаменах иногда подсказывают, чтобы вытянуть ученика на тройку, а я на большее и не претендую.

— Никаких подсказок.

— Вечером я гуляю с собакой у гимназии, — сказала она. — Приходи.

— И что будет?

— Я подумаю и скажу тебе ответ. А пока я пойду, у меня дел много. Кстати, держи. Тут еще половина есть.

Когда за Элей захлопнулась дверь, мимо подъезда проехала девушка на велосипеде. Я посмотрел на бумажный кулек с вонючим коктейлем, поморщился и выкинул в мусорку.

— Тормози! — голос издалека.

— Тормоз на руле! — детский голос. — Нажми руками!

— Ты как, в порядке? Встать можешь? Офигеть, ты упала. Прямо в крапиву. Другого места не нашла. Руку покажи.

* * *

В половине одиннадцатого, когда стемнело, я вышел гулять с собакой. Поднял с земли палку, размахнулся и запустил в сторону школьной спортивной площадки. Джинн рванул за ней, и тогда я заметил — про краю футбольного поля ходила невысокая девочка в темном капюшоне, а вокруг нее без ошейника бегал бежевый мопс. Только что он схватил зубами палку — ту самую, что кинул Джинну. Теперь гордый мопс тащил ее хозяйке.

Девушка смеялась, хвалила пса и снова кидала ему палку. Теперь собаки вдвоем носились по футбольному полю, отнимая ее друг у друга, изредка подбегая к нам, а потом снова возвращаясь к игре.

Эля сидела на футбольных воротах и лениво наблюдала за происходящим. Я подошел к ней и сел рядом.

— Привет! — поздоровался. Эля посмотрела на меня и улыбнулась. — Ну, что, подумала?

— Я забыла, — призналась она. — Это была домашняя контрольная работа? У нас в школе

такое не практикуют.

— А в нашей — каждую неделю. Что делать будем?

— Придется поставить «двойку», — рассмеялась Элька. — В журнал.

— Раз в журнал, то карандашом. Вдруг выучишь — захочешь исправить?

— Посмотрим, — улыбалась она. — Завтра в девять у школы. Не опаздывай.

* * *

На линейку мы с сестрой опоздали на десять минут. Первое, что услышали, оказавшись на школьном дворе, были слова директрисы Старостиной:

— ...ничего нового я вам не скажу, так что директора можно периодически посылать. Про себя, конечно.

— Где наш класс? — нервничала Оля.

— На асфальте по идее должно быть написано мелом «11-й Б», — ответил я. — Будем искать.

Мимо проскочила толпа малолетних школьников. Третий или четвертый класс, точно не первый. Их, первоклашек, сразу видно — стоят в первом ряду. Нет, скорее даже во втором — между гигантским букетом цветов для первой учительницы и огромным портфелем за спиной. Видно обычно только цветы и портфель — на их фоне бедный ребенок невольно теряется и отходит на второй план.

За первоклашками стояли их родители, а потом уже остальная начальная и средняя школа. Среди взрослых прыгала Элька. В одной руке видеокамера, в другой — фотоаппарат.

— Блин, мелкого совсем не видно за цветами! — сказала она кому-то и рассмеялась. — Не знаю, как пролезть ближе. Ничего не видно.

— Пройди на крыльцо, — ответил ей парень в строгом костюме с галстуком. Выглядел он довольно комично. Высокий, улыбка хитрая, глаза наглые, ноги слишком длинные — и при этом в костюме. Похож на большого кузнечика.

— Нам туда, — сказал Ольге и кивнул в сторону, где крутилась Элька с камерой.

На асфальте была неаккуратно нарисована цифра «11» и ехидно-кривая буква «Б».

— Новенькие? — тут же поинтересовался у нас парень-кузнечик.

— Да, — кивнули мы.

— Вы близнецы?

— Да.

— Королев, — картинно представился парень и крепко пожал мне руку.

— Ваня, — ответил, отвечая на рукопожатие.

— Оля, — присоединилась сестра, протянул новому однокласснику руку.

— Очень приятно, царь, — добавил Королев и кивнул головой влево. — Наш класс там тусуется. С Анной познакомились уже?

— Еще на прошлой неделе.

— Отлично. Люди, у нас прибавление! — объявил Королев. — Элька, знакомься, это Ваня... Ваня, это Эля, это Дашка, а это наша Маринка.

— А мы уже знакомы, — отмахнулась Элька, не удостоив меня даже короткой улыбкой, и снова исчезла где-то с камерой.

— Клево, — ответил Королев. — Еще учиться не начали, а уже знакома. Ох, Элька, везде успевает...

Вова Королев еще что-то рассказывал, хохотал, шутил, а я почти не слушал. Вспомнил Элькины глаза-хамелеоны. Сегодня они были уже не такие, как вчера. Цвет зеленого заросшего пруда, в котором отражается голубое осеннее небо. Когда я пришел в себя, Оли рядом уже не было — она стояла в толпе новых одноклассников и о чем-то говорила с Анной Петровной, классным руководителем. Там же стояла высокая женщина со светлыми волосами — время от времени она брала за руку Королева.

— ...Анна Петровна! Ездили в июне провожать детей на Ленинградский вокзал. Вы не представляете, какими они все были счастливыми! Я никогда не видела таких счастливых детей!.. — долетело до меня.

«Чья-то madre», — подумал я.

Элька снова появилась и пихнула в руку Вове мобильник со словами: «Поговори с ним, мне некогда». За пять минут, что телефон был в его руках, девушке позвонили три раза. Пока Вова отвечал на звонки, Эля подошла ко мне и встала рядом.

— Брат в первый класс сегодня пошел, — рассказывала она. — Запарилась его снимать. Как тебе тут? Познакомился с классом?

— Нормально, — ответил я. — У меня тоже младший брат.

— Он здесь? — улыбнулась Элька. — Могу вас сфоткать.

— Да нет. Ему четыре. Рано еще.

Казалось, Эля меня совсем не слушала.

— Вовчик, нужно первоклашку на плечо посадить, чтобы она колокольчиком позвонила! — кричала она. — У тебя лучше всего это получается. Подойди к училкам начальных классов, тебе скажут, что делать!

Королев корчил смешные рожи, кривлялся, показывая всем своим видом, как неохота ему таскаться с первоклашками и их колокольчиками.

— Блин, иди быстрее, Королев, а я тебя сфоткаю, когда ты пойдешь с девочкой. — Знаешь, сколько у меня фоток с этими девочками?!

— Будет еще одна.

— И че мне с ними делать?

— Не ной, — отзывалась Элька. — На аватарку вечером поставишь.

* * *

Первая четверть в 11-м «Б» началась с классного часа и урока физры. Толкаясь, крича, пиная друг друга и обзываясь, одноклассники неохотно строились в шеренгу, вдоль которой недовольно вышагивала Анна Петровна. Когда же все, наконец, выстроились по росту, она остановилась посередине и начала речь.

— У меня к вам серьезный разговор.

— Бить будете? — не сдержалась и пошутила Элька.

— Бить не буду, — спокойно ответила Анна. — Не забудьте сказать родителям, что в четверг родительское собрание в шесть тридцать в кабинете сто десять.

— Утром? — придурялся Костя, завязывая шнурки на новеньких кроссовках.

— Ну, если у тебя 18.30 — утро, то...

— А мы в Питер поедем? — перебил Данила, подняв зачем-то руку.

— Дай договорить мне! — строго сказала Анна. — Я очень рада вас видеть.

— Мы тоже! — встряли хором девочки. — А мы в бассейн будем ездить?

— Будем, — ответила Анна. — Сами знаете, — и начала загибать пальцы на руке. — Шлепанцы, мыло, мочалка, шапочка...

— Купальник, — громко добавила Элька.

— Купальник, — повторила Анна и посмотрела на часы. — И самое главное, что я хотела сказать. Это относится ко всем вам. Если человек с вами не согласен, это не значит, что он плохой! Разногласия решайте мирно.

— Маш, это к тебе относится! — ехидно крикнула Эля подруге Маше.

— Да? — с вызовом ответила Маша. — К тебе тоже!

— У нас осталось полчаса от урока, — сообщила Анна Петровна. — Вопросы еще есть?

— Так мы в Питер-то поедем?

— Как вести себя будете.

— А дискотека будет? — интересовались девочки. Опять же — хором.

— Еще учиться не начали, а уже дискотеку требуют... — вздохнула Анна. — В пятницу седьмой «А» устраивает. Так, а теперь мы все идем на улицу, пробегаем один круг, разминаемся и

сдаем олимпийский зачет. Километр на время. За мной.

Вторым уроком стояла математика. В левом верхнем углу доски аккуратным почерком было выведено: Лебедева Ирина Львовна. Видимо, специально для новеньких.

— Что там написано? — шепотом спросил я. — Линзы сегодня забыл вставить, плохо вижу без них.

— Лебедева Ирина Леопардовна, — четко продиктовала Элька. Я послушно записал и только через пару минут понял, не знал, куда себя деть от внезапного раздражающего хохота. Одноклассники так называли математичку уже третий год, и для них эта шутка не была новой.

Тем временем Лебедева продолжала вступительную речь.

— Поблажек не будет, — грозились она. — На что учитесь, то и получите. Чем меньше медалистов, тем лучше. Я хочу, чтобы их было как можно меньше, потому что когда их нет — я спокойно сплю во время выпускных экзаменов.

— Добрый учитель, — прошептала Элька и улыбнулась. Класс сдержанно смеялся, «добрый учитель» — тоже.

Все оставшееся от урока время Элька рассказывала мне о летней поездке в Питер. О том, как они ехали ночью в поезде и ни минуты не спали. Как на следующий день, сонные и вялые, ходили на экскурсии, еле передвигая ноги. Как строго Анна Петровна следила за тем, как бы дети не пронесли с собой алкоголь и сигареты. И так все это весело у нее выходило, что невольно вызывало улыбку. Вроде бы ничего особенного — но так приятно слушать ее, сидеть рядом.

Ближе к концу урока Элька, ее подружки Дашка и Маринка принялись перекидывать друг другу ластик. Стоило Лебедевой повернуться лицом к классу — брался тайм-аут; стоило отвернуться к доске — игра возобновлялась с новыми силами.

— Ох, Зайцева... — вздыхала математичка. — Я тебя своим пятиклашкам в пример всегда ставлю, а они мне и говорят: «Ирина Львовна, вы ее на футбольном матче в соседней школе не видели...» И выплюнь жвачку уже, в конце концов, совсем совесть потеряла!

Если бы рядом не сидела Элька, я бы точно умер от тоски. Тихим шепотом она комментировала занудных училок и сдержанно смеялась. К концу урока достала плеер и, не спрашивая, протянула мне второй наушник.

— Королев, отсыдь на другой ряд! — просили учителя Вову, зная, что если он сядет рядом с Маринкой, то вести урок будет невозможно.

— Ну, почему сразу я?! — возмущенно отвечал он.

— А потому что болтаешь много.

— А можно до первого замечания? — торговался Королев. — Пожалуйста, мы будем тихо сидеть.

— Ох, и отлуплю я тебя, Королев, указкой от души!

— Погуляем после уроков? — спросила Элька.

— Погуляем, — ответил я.

— Выходи в пять.

Мне так нравится, что она ничего не усложняет. Говорит, что хочет и что думает. И не нужно пытаться угадать, что там у нее на уме, какие тараканы, да и есть ли они вообще.

* * *

Красно-рыжие кудри в высоком хвосте, короткая челка до середины лба, яркие глаза, смуглая кожа. Длинные ноги, джинсовые шорты, грубые ботинки.

Эля сидит на скамейке у моего подъезда, курит и читает какую-то книгу. Подошел ближе — увидел рисованную красную лису.

— Ты читаешь сказки? — спросил. Мой вопрос прозвучал недоверчиво. Даже, может, испуганно.

Она подняла глаза и ответила:

— В сказках много смысла.

— Например? Какой смысл у сказки про колобка?

— Очень простой. Понты — это все естественно и нормально, если в меру. В разумных пределах. Колобок не знал об этом и выпендривался перед каждым встречным, а в итоге — стал ужином лисы. Глупо пытаться быть лучше и круче, чем ты есть на самом деле, — все равно раскусят рано или поздно. А если не можешь не понтоваться, то будь бдителен и чаще смотри по сторонам, чтобы не быть внезапно скушанным более хитрым и понтовым оппонентом. Все просто.

— Круто! Где ты этого набралась?

— Много читала.

— А вот про Золушку я сам знаю, — смеялся он. — А ты?

— Конечно, — улыбнулась она. — Принц запал на Золушку не потому, что она была красоткой, а потому что с первых минут понял, что с ней нескучно. Все произошло само собой в нужное время, пока сестры считали, сколько раз он взглянул, вздохнул, чихнул... Мораль сказки в том, что глупо париться, если у тебя нет парня, это все временно. Всему свое время. И нужно много работать.

— И откуда ты такая умная?

— А ты? — не ответила Эля. — У тебя вообще девушка есть?

— Была, — ответил я. — Сейчас нет.

— Ты бросил ее?

— Ну да. Мы расстались.

— Почему?

Я пожал плечами.

— Ты очень любил ее?

— Да, наверное. Она красивая.

— И все? — удивилась Элька.

— Да. А что? Этого мало?

— Нормально, — пожала плечами, затушила сигарету. — Для пятнадцати лет достаточно

10-21 сентября

Нагаша

Мы дружим с первого класса. Я не умею кататься на велосипеде, и у меня нет парня. Нинка не умеет вязать крючком, и у нее нет парня. Настя не умеет краситься, и у нее тоже нет парня. Мне кажется, мы отлично дополняем друг друга.

Нинка верит гороскопам больше, чем самой себе. А еще — она верит Сэму из Лондона, с которым познакомилась на фейсбуке в пятидесятый день весны. Он обещает закончить колледж, приехать за ней в Москву и увезти к себе в далекий и романтично-холодный Лондон.

Нинка говорит, что Сэм идеальный. Пообщавшись с ним в скайпе месяц, Нинка забыла о языковом барьере, которым так пугала Надежда Владимировна. Английские слова и выражения вырывались так легко и свободно, будто Нинка с детства жила среди англичан.

Первое время Нинка почти не спала, а если и удавалось задремать — то снился ей исключительно Сэм: обаятельный, смешной и милый — похожий на принца Гарри. Он говорил ей что-то на своем родном языке, а она отвечала. Нина ловила себя на мысли, что начинает думать на английском.

На уроках геометрии Нинка витала в облаках и придумывала ему письма. Подбирала яркие выражения и начинала дико волноваться, если выяснялось, что в толстенном словаре Орловой отсутствует перевод нужного русского слова.

В своих мечтах она заходила так далеко, что начинала даже представлять себе их общий дом в пригороде Лондона, садовых гномов в красных колпаках, сидящих у забора, розовых фламинго — там же, барбекю по выходным, празднование Рождества в конце декабря.

Нина и Сэм до сих пор общаются каждый день.

С Настей не так все просто. Она не может забыть Алишера, окна которого выходят на детскую площадку на Королева, где мы с подругами отдыхаем после уроков. Когда-то давно, в прошлом году, они встречались. Недолго. Недели три, наверное, или даже меньше. Алишер бросил ее, так ничего не объяснив. Он просто перестал отвечать на ее звонки и внес в «черный список» «Вконтакте». Иногда Настя заходит на его страницу от меня или от Нинки и чуть не плачет, глядя на его новые фотографии. Она хочет просто увидеть его и спросить, почему он так поступил.

Настя говорила, что Алишер ей не нравился. Просто ее к нему что-то тянуло, а что именно — объяснить не могла.

Другие говорили, что они не пара, и у Алишера уже давно есть невеста, которую ему нашли родители, и через несколько лет они обязательно поженятся.

Тем не менее за лето Настя похорошела, а за август еще и загорела — отдыхала в Болгарии. Правильно пишут в ванильных группах — чем хуже у тебя на душе, тем шикарнее нужно выглядеть. Никому нельзя говорить, что тебе плохо. Нельзя давать повода для радости.

— Грустно. Только успеешь привыкнуть к людям, а они уже уезжают, — рассказывала Настя про отдых.

— Хочу тебя еще больше расстроить, — начала я. — Люди иногда еще умирают.

— Ну не в таком же возрасте... — пыталась возразить Настя.

— И в таком тоже, — улыбнулась я.

— Какая ты сегодня добрая, — мрачно отозвалась Нинка. — Не слушай ее, она просто на диете.

— Садиться желательно по одному! — строго сказала Нина Васильевна, открывая дверь класса. Несмотря на первый день учебы, три «немки» решили устроить нашему классу внеочередную проверочную работу.

— Все слышали? — спросила Елена Петровна.

— А мои здесь? — в дверях появилась Надежда Владимировна с классным журналом в руке. — Вы здесь? — еще раз спросила она, щурясь на класс.

— Здесь... — унылые голоса с задней парты.

— Ну, тогда я спокойна, — улыбнулась она и вышла за дверь, а через секунду вернулась и добавила: — Проверять буду я. Две ошибки — тройка.

И снова по классу пронесся недовольный и местами злобный стон. Орлову боялись практически все школьники, начиная с третьего и заканчивая одиннадцатым классом.

— Начнем, пожалуй... — Елена Петровна включила древний магнитофон и пихнула в него не менее древнюю кассету с записью какой-то истории на немецком языке.

— Увижу, кто списывает — сразу отнимаю работу! — страшала Нина Васильевна.

— Контрольная на два урока, на перемене можете выходить, — продолжала Елена Петровна. — По од-но-му!

— И работы нам сдавать! — почти крикнула Нина Васильевна.

Настя сидела, подпирая руками щеки. Прижавшись к теплой стене, я быстро записывала рассказ, доносившийся из никудышных динамиков старого магнитофона. Нина Васильевна тем временем села за последнюю парту, чтобы оттуда наблюдать за порядком в классе.

— Нина Васильевна, — Коля стоял рядом, держа в руках двойной тетрадный листок. Она недоверчиво посмотрела на него снизу вверх. Коля молча уселся рядом на деревянную лавку и только теперь спросил: — Можно с вами рядом сесть?

— Ну, сиди, что ли... — равнодушно ответила Нина Васильевна. — Только не урони меня, когда вставать будешь.

— Как можно! — возмутился Колян, делая вид, что записывает что-то на своем листке.

Как «немки» ни старались следить за тишиной и дисциплиной, в классе было шумно, да еще и Калганов на задней парте все время бубнил, а Нина Васильевна — неохотно его поругивала.

— Еще одно слово! — не выдержала она. — И ты полетишь прямо туда! — взмах рукой в сторону окна. Коля сглотнул и замолчал, а Нина Васильевна пересела за учительский стол.

Я тихо смеялась за своей партой, а Нинка была серьезна как никогда. Одним глазом она внимательно следила за учителями, ни на минуту не упуская их из виду, а другим глазом — смотрела на аккуратный текст, что написала я. Пока училки шептались у доски, Нинка быстро скатывала у меня контрольную.

— Наташа, не консультируй там никого! — прикрикнула Елена Петровна. В этот момент Калганов встал из-за парты и стал открыто перемещаться по классу: сначала он прошел вдоль среднего ряда к столу Нины Васильевны, подошел к Елене Петровне и что-то спросил у нее, сказал пару слов неожиданно появившейся Орловой — та рассмеялась, и он, веселый и улыбочивый, пошел назад и сел за мной.

— Наташ, положи, пожалуйста, листочек поближе к центру... — вежливо попросил Коля.

Мне было не жалко. Она подвинула листок на середину, а села ближе к стенке.

— Данке шон, — поблагодарил он, а спустя десять минут, закончив списывать, решил снова переместиться в другой конец класса. На этот раз к Леше на первую парту.

— Калганов! — крикнула Нина Васильевна. — Сколько можно ходить по классу! Урок идет! — подошла к нему и внимательно посмотрела в листок. — Бить буду! — продолжала она. — И, возможно, ногами!

Класс дружно загоготал.

— Не читаете... — грустно вздыхала Нина Васильевна. — Классики русской не знаете.

— А можно выйти? — как ни в чем не бывало спросил Коля.

— А что ты на перемене делал? — строго спросила Елена Петровна.

— Ничего, — пожал плечами.

— Деловые все... — тоскливым голосом произнесла Нина Васильевна. — Кушать, пить, писать...

— Именно, — ухмыльнулся Мишка. — Я пойду?

— Эх, Нина Васильевна, а вы все грустите из-за выпускников. Вот вам — достойная смена Шмелеву растет!

* * *

На крыльце школы резвились малолетки из начальной школы. То ли у них тоже уроки закончились, то ли группа продленного дня гуляла перед обедом. Нинка хмурилась и равнодушно глядела по сторонам, я же нервно теребила пластырь на левой ладони, прикрывавший мою зеленую ссадину.

— Ты видишь его? — недовольно спросила она, пытаясь найти глазами Игоря.

— Нет, — еще более недовольно ответила я. — Его здесь нет. Наверное, мы его прозевали, и он уже в мужской раздевалке. Поздно мы вышли...

— А вот ни фиги не поздно! — Нинка решительно потянула меня в сторону спортивной площадки, с которой двухметровыми шагами уверенно шел Игорь. — Смотри! Вот он идет. Пошли скорее!

— Может, это не он? — пронудила я и посмотрела на Нинку умоляющими глазами, будто не хотела уже идти знакомиться с парнем своей мечты.

— Ну, как же не он?! Конечно же, это Игорь, и он сейчас один. Самый подходящий момент!

Игорь шел по направлению к школе со стороны гаражей. Нинка снова вцепилась мне в руку и потащила навстречу ему.

— Может, не надо? — упиралась я.

— Не тормози, а то упустим момент! Идем скорее, — не унималась Нинка и тащила меня дальше. — Смотри, он нас уже заметил.

— Тебе кажется... Нин, может... может, я сама с ним познакомлюсь?

— Хорошо, — внезапно согласилась Нинка, отпустив мою руку. — Давай договоримся так. Пока ты с ним не познакомишься, я с тобой не разговариваю, не здороваюсь. И «Вконтакте» мне тоже не пиши! И на эсэмэски твои я отвечать не буду. До тех пор, пока ты этого не сделаешь. Ты меня поняла? Или ты берешь себя в руки, и я тебя с ним знакомлю, или — ты все делаешь сама.

— Ладно, знакомь, — сдалась я.

— Пойдем.

Игорь был в нескольких метрах от нас. Остановился и вопросительно посмотрел.

— Приветик, Игорь! — широко улыбнулась Нинка.

— Привет! — с удивленным смущением ответил он. — Как дела?

— У меня отлично, — сказала она. — Это моя подруга Наташа, познакомьтесь, — выпалила

Нина и повернулась, чтобы уйти. — А ты куда? — вдруг спросил Игорь, не глядя на меня.

— А мне к математичке нужно подойти, договориться кое о чем.

— Привет... — проямлила я.

— Привет... — без эмоций ответил Игорь.

— Как дела?

— Дела нормально.

— Какой у вас урок?

— Никакой... — пожал плечами Игорь. — Физра, только я форму забыл.

Я стояла рядом с ним, нерешительно пытаюсь смотреть в глаза. Разговор не клеился, неловкие моменты, хуже не придумаешь. В такой ситуации я была впервые и совершенно не знала, как себя вести и что говорить.

— Ну, ладно, пока... Я пойду.

— Пока... — логично ответил он. Я знала, что именно так он и ответит.

У школьного крыльца шустро носились ученики младших классов из продленки. Игорь, он такой классный, такой красивый и милый, а я вела себя как дура, двух слов связать не могла. Теперь уверена — я влюбилась. А он — даже номера телефона не попросил, но это и неудивительно.

— Наташ! — крикнула Нинка, когда я появилась на первом этаже. — Ты куда? Вы так быстро поговорили?

— Да, — натянула улыбку. — Все хорошо.

— Да? А о чем вы говорили?

— Да ни о чем. Просто поболтали, и я ушла.

— Как ни о чем? — искренне удивилась Нина. — И почему ты ушла? Он взял у тебя номер мобилы?

— Нет, не взял.

— Бли-и-ин, — измученно протянула Нинка, падая в кресло в школьной раздевалке. — И ты говоришь, что все хорошо?

— Он такой классный, я просто не могу...

— Ну, ничего, — взбодрилась Нинка. — Времени много. Если сейчас немного облажалась, то еще успеешь наверстать упущенное. Я тоже поначалу так Сэма стеснялась, весь инглиш из головы куда-то вылетел, а потом ничего — разговорились. Не волнуйся, все у вас будет хорошо.

Но я-то думала иначе. Ничего хорошо не будет.

Познакомилась. А дальше-то что делать? Взамен одной проблемы появилась другая.

* * *

Сашке недавно исполнилось пять. На семейных праздниках она похожа на большую фарфоровую куклу из Детского мира.

Загляденье для гостей. Ужас — для воспитателей детского сада.

Утром ее приводят туда родители, а я иногда забираю.

Когда я пришла, Сашка сидела грустная на скамейке у шкафчика и задумчиво рассматривала свои ноги. Какой-то худой парень застегнул кофту младшему брату, взял за руку и направился к выходу. Серый капюшон толстовки торчал над воротником его куртки.

— Привет! — сказал мелкий, проходя мимо меня и трогая за колено.

— Пойдем уже, — тянул его за руку старший. — Опоздаем.

Сашка потянулась ладонями до колен и вздохнула.

— Кто тебя обидел? — спросила, садясь рядом.

— Никто, — еще один горький вздох.

— Тогда надевай куртку и пойдем, — стараюсь быть хорошей старшей сестрой.

— Наташ, почему так?

— Что почему? — не поняла я.

— Мама заплела мне утром самую крутую косу, одела в мое любимое платье, — рассказывала Сашка. — Я даже новые белые колготки сама надела. Красивые, правда?

— Ну, — киваю. — Все так. А в чем проблема?

— Он сегодня не пришел.

— Кто не пришел?

— Максим...

— Аа, вот оно что. Не грусти, придет завтра. Так часто бывает, Саш. Ты надеваешь красивые колготки, а он не приходит. — Я стараюсь говорить с ней, как со взрослой. — Но это не повод для грусти.

Когда мы вышли за ворота детского сада, Сашка моментально забыла о своей печали.

— У Катьки новая Барби, — сообщила она.

— Еще одна? — усмехнулась Наташа. — Барби-Русалка? Или, может, Барби — Баба-яга?

— Барби-Фея, — гордо ответила Сашка. — У нее есть волшебная палочка и птичка.

— А птичка зачем?

— Не знаю. Она кричит, когда ее бросаешь.

— Неудивительно. Если я тебя подброшу и не буду ловить, ты тоже завопишь, а потом еще и маме наябедничаешь.

Сашка уже не слушала меня — теперь ее привлекла надпись на кирпичной стене.

— Наташ, а что это за буква? На столик похожа...

— Это буква «пэ».

— М-м... А вон та, через одну, какая? Похожа на перевернутый стульчик...

— А это «че».

— Наташ, а что это за слово вообще?

— Это слово «почта», — отвечала я, начиная терять терпение, однако это было только начало нашей ежедневной программы.

Сашка проявляла интерес ко всем встречным надписям, неизвестным явлениям и предметам. Таким образом, чтобы забрать сестру из детского сада, мне требовалось два с лишним часа.

На двери подъезда сестра заметила небольшое объявление.

— Ой... какая интересная буква... — восторженно протянула Сашка, пока я набирала код домофона.

— Какая?

— Посмотри. Когда ты приходишь домой поздно, папа похож на эту букву. Он ставит руки в боки... Как называется эта буква?

— А-а... — догадалась я. — Это буква «фэ». Проходи уже давай.

Сашка понимающе кивнула и прошла в подъезд.

Ваня

Эля не похожа на тусовщицу, всеобщую любимицу, самую популярную девчонку школы. В друзьях у нее ходили в основном парни, одноклассники, а подруга была только одна.

В друзьях — не больше пятидесяти человек. Последний раз она загружала фотки еще в прошлом году. Последний раз заходила на страницу неделю назад, с мобильного телефона.

Каждый день на большой перемене мы встречались в столовой, покупали себе горячие пирожки и садились за первый столик у окна.

Нас часто видели вместе, ведь мы почти не расставались, даже после школы. Вместе гуляли по первому этажу, вместе ходили завтракать, вместе возвращались домой после уроков.

Вечерами вместе выгуливали своих собак у школы. Мы сидели на желтом лабиринте в школьном дворе, а наши собаки носились по футбольному полю, отнимая друг у друга толстую обкусанную палку.

— Ничего, что я сегодня при всех запрыгнула тебе на шею? — спросила она, снова кидая палку собакам.

— Мне понравилось.

— Правда?

— Конечно. Это было здорово.

— О нас уже вся школа знает.

— Мне все равно, пусть говорят.

— Этот прыжок... я увидела его, когда мне было лет девять или десять. Я тогда перешла в пятый класс. Шла по коридору и увидела страшекласников. Девочка увидела парня, обрадовалась, побежала к нему, подпрыгнула, обняла ногами, и он закружил ее по коридору. Они были такими счастливыми. С тех пор у меня появилась мечта. Я дала себе обещание, что когда вырасту, обязательно повторю этот прыжок на шею.

— Получается, твоя мечта сегодня сбылась. Надеюсь, это была не единственная твоя мечта?

— Не единственная.

— Какие еще есть?

— Я думаю исполнить ее завтра, — хитро улыбнулась Эля.

— После уроков?

— Нет, — смеялась она. — Вместо седьмого урока.

* * *

Когда детские крики на первом этаже стихли и прозвенел звонок на урок, мы с Элей спрятались между вешалок с куртками и сумками.

— Погода супер, — сказала она. — Пойдем на ВДНХ.

Так мы сбежали с седьмого урока и пошли гулять.

— Сегодня сбудется моя вторая мечта, — говорила Эля, держа меня за руку, когда мы уже шли по ВДНХ. — Чувствуешь запах?

— Нет, а что?

Было просто тепло и солнечно. Никаких особых запахов я не заметил. Эля села на бортик фонтана Дружбы народов, я сел рядом.

— Это пахнет сладкой ватой.

— Как это связано с твоей мечтой?

— Никак, — ответила она, пробуя рукой воду. — Просто сказала.

— Как вода?

— Нормальная.

— Купаться уже холодно.

Эля встала на бортик, вынула из кармана телефон и передала мне, сняла часы и плетеный браслет с руки. Пихнула мне в руки свой пиджак и скинула туфли, оставшись в одном, все еще летнем платье в мелких цветах.

— Слабак, — улыбнулась она и спустилась в воду. — Иди сюда! Чего ты там сидишь?! Здесь же здорово! И совсем не холодно.

Я неохотно подвернул джинсы, снял кеды и пошел за ней в воду. Она стояла под мощными струями воды и невозмутимо улыбалась, глядя на меня. Вода была почти ледяной, но Элю, казалось, это не волновало. Поравнявшись, мы молча стали целоваться.

— Пойдем ко мне? — сказала она чуть позже.

— Лучше ко мне, — ответил я.

* * *

— Где ты научилась так петь? — спросил я, когда мы стояли на балконе. Эля курила. Сигарета, как и банка коктейля, была ей к лицу. Такой вот парадокс. Эле было к лицу все неправильное, вредное и — в какой-то степени — для многих запретное.

— Нигде не училась, — ответила она.

— Что, даже в музыкалку не ходила?

— Нет, — улыбнулась она. — Сама научилась. Покупала диски Рианны, Бейонсе и просто повторяла за ними. Так и научилась.

— А я на виолончели играл, — смеялся я. — Целых пять лет. Это было нечто. Мне нужно было заниматься по часу каждый день. Я приходил из школы, ставил таймер на мобильном и играл. Ровно час. По звонку я резко заканчивал тренировку, пихал виолончель в угол и бежал на улицу к парням.

— Сейчас играешь?

— Ни разу не играл. С тех пор как закончил музыкалку.

— А ты забавный.

— Да, я такой.

Эля смотрела вниз — на детскую площадку, гаражи и небольшое футбольное поле рядом. Несколько парней лениво гоняли мяч в сумерках, на площадке сидели два человека — то ли две девчонки, то ли две старушки? — с десятого этажа неважно видно.

— Как думаешь, это девчонки там сидят или бабки?

— Нашел что спросить, — ухмыльнулась Эля и, затушив сигарету, поцеловала меня горьким никотиновым поцелуем. Ни капли нежности. — Это девчонки.

— Я так и знал.

— Я часто их тут вижу, но живут они не здесь. Про блондинку ничего не могу сказать, но брюнетка крутая. У нее татуировка на предплечье.

— Какая?

— Это надпись.

— Какой-нибудь галимый иероглиф?

— Нет.

— А что же?

— Jedem das seine.

— Это на немецком. Необычно. Как переводится?

— Каждому свое, — ответила Эля. — Я накоплю денег и тоже сделаю себе тату, только еще не знаю, что именно.

— Тебе подойдет любая.

— Перестань уже во всем со мной соглашаться! — рассмеялась Элька и добавила шутливо: — Бесишь. Может, я бы больше обрадовалась, если бы ты начал меня отговаривать. Я ведь все равно сделаю по-своему, но мне было бы приятно, что тебе не все равно. Для девушки это иногда очень важно — знать, что парню не все равно.

— Ты думаешь, что мне все равно?

— Да, Вань. Ты хороший парень, но я сама с тобой познакомилась, сама села рядом с тобой за парту, сама позвала тебя гулять, первая добавила тебя в друзья, первая тебя поцеловала. Ты не сопротивляешься, но и не делаешь ничего. Ладно, мне домой пора, а ты подумай об этом.

Эля ушла. Стоя на балконе, я видел, как она вышла из подъезда и быстро пошла к своему дому. Она всегда быстро ходит, будто боится чего-то не успеть или куда-то опоздать.

Эля не вписывалась в стереотипы. Она все сделала сама, а я даже не успел заметить, как запал

на нее. Точнее, я запал на нее еще раньше — когда услышал, как она пела в школе.

Не имеет значения, кто первый проявил инициативу, если ты встречаешь того самого человека, если твоя симпатия взаимна.

Тогда все получается легко и понятно, как у нас с Элькой.

Когда девчонки ушли с детской площадки, я взял баллон зеленой краски и вышел на улицу. В сумерках добрался до старой котельной и написал три самых главных слова:

«Элька, я тебя люблю!»

Буквы получились кривыми, будто я писал левой рукой. Эту котельную хорошо видно из окна Элькиной комнаты на четвертом этаже, где только что зажегся свет.

Спустя десять часов и пять минут я снова вышел на улицу и отправил ей сообщение, чтобы выглянула в окно. Через минуту штора была сдернута, и в окне появилась недовольная Эля. Ее лицо медленно меняло выражение.

Она беззвучно смеялась в окне, а я довольно разводил руками на детской площадке.

23-30 сентября

Наташа

— Наташ, он сейчас один, подойди к нему, — шипела над ухом Нинка, когда мы собирались идти домой. Легко сказать «подойди»! — Чего ты так волнуешься?

— Не знаю... — отмахнулась я.

— Да подойди ты! — начинала злиться Нинка. — Он так на тебя смотрит!

Я нерешительно посмотрела в его сторону и слабо улыбнулась, боясь представить, как это выглядело со стороны. Даже улыбнуться нормально — и то не получается.

— Я подожду немного Настю, а ты иди, — сказала я, решив сменить тему.

— Ну, как хочешь, — ответила Нина и пошла к выходу. — До завтра. Пойду домой, сразу напишу Сэмику, — мечтательно приговаривала она, скрываясь за дверями школы. Не прошло и секунды, как Игорь сорвался с места и выбежал на улицу.

Я пошла за ним. Вышла на школьное крыльцо, спустилась по лестнице и, обернувшись на секунду, заметила Нинку и Игоря. Она громко смеялась, а он рассказывал ей о чем-то с явным интересом. Я неуверенно направилась к ним.

— Привет! — сказала я, поднявшись вверх на пять ступенек.

— Привет... — точно так же, как и вчера, ответил Игорь.

— Не стесняйся, Наташ, — сказала Нинка, улыбаясь, а потом добавила, обращаясь к Игорю: — А ты кого-то ждешь?

— Я вообще тебя ждал, — как-то спокойно и естественно ответил Игорь.

— Меня? — удивилась Нинка, а мне все стало запредельно ясно.

Он ждал Нинку. Это было предсказуемо. Сама виновата. Знала ведь, что парни сразу на нее ведутся. Все, теперь поздно.

Я развернулась и молча пошла домой, не прощаясь. На полпути меня догнала запыхавшаяся Нинка и схватила за руку.

— Чего тебе?

— Ну, Наташ, не расстраивайся ты так... — начала нудить Нинка. — Он просто прикольнулся... Он друга своего ждал... — Нинка отчаянно пыталась найти оправдание себе и Игорю.

— Так не прикалываются. Ему просто нравишься ты, а не я.

— Наташ, не говори глупости. Я зайду к тебе вечером, и мы поговорим. Заодно сообщения на фейсбуке проверю.

— Посмотрим.

— Наташ, не разговаривай со мной так! Я не хочу портить с тобой отношения, и я знаю, почему ты так делаешь. Я тут ни при чем. Если хочешь, вообще не буду с ним общаться. Даже здороваться не буду.

— О чем ты?

— Надо же быть немного понапористой, ты должна дать ему понять, что он тебе нравится. Ну я не знаю. Просто подойти к нему, когда он будет один, и попроси номер мобилы. Неужели это так трудно? Поболтай с ним. Я не понимаю, чего ты так заморачиваешься? Я тебя вообще не узнаю. Чего ты ноешь из-за какого-то парня? Иди, поешь и успокойся.

Я закатила глаза, вздохнула и ушла, не прощаясь. Я шла к остановке трамвая и тихо ненавидела — и Нинку, и себя. Себя даже больше. Вообще я себя люблю, но в эти минуты я готова была биться головой о стену. Неуверенная, робкая, нерешительная. Я начинала страшно тормозить, стоило только Игорю появиться на горизонте.

Обычно парни сами знакомились со мной, добивались меня, носили на руках, дарили конфеты и выигрывали для меня плюшевых медведей на ВДНХ, а я принимала все как должное, воротила нос и поправляла воображаемую корону на голове.

Я была крутой с ними. Сама от себя кайфовала. Общительная, стебная, остроумная, самая красивая и обаятельная — со всеми, к кому я равнодушна.

Но появился Игорь и спутал мне все карты, сделал беспомощной, беззащитной, неумелой и жалкой в собственных глазах, а для меня это было самым ужасным, что я могла себе вообразить.

Перестать любить себя, верить в себя — это самая большая ошибка, которую может сделать

девушка. Неважно, сколько ей лет. Пять, пятнадцать, двадцать пять или больше.

Я села на свободное место. Выходить через три остановки. Два раза в неделю я хожу в тренажерный зал — бегать по беговой дорожке и качать пресс до тошноты. Надеюсь, это отвлечет меня сегодня от бесконечных мыслей об Игоре и Нинке.

Плеер я сегодня забыла дома, поэтому снова подслушивала чужие разговоры. За моей спиной сидели две девушки, намного старше меня. Наверное, им за двадцать. Не могу представить себя старше двадцати. Какая скучная у них жизнь, наверное. Мне жалко их.

— ...Слышала, Зайцев свою недавно бросил?

— Откуда знаешь?

— Я с ним общалась в прошлую пятницу.

— Такая красивая пара. А чего расстались?

— Хм... ты знаешь вообще, что он ей сказал?

— Ну?

— Это очень сложно — позволять себя любить.

— Вот урод.

— И не говори. Девушка не нашлась чем ответить.

— Да я бы тоже не нашла...

Это было как раз то, что и нужно было мне услышать. Двери открылись, я вышла наружу. Перешла дорогу, дошла до метро, перешла на другую сторону проспекта Мира и медленно поплелась мимо церкви в сторону Ракетного бульвара.

...А ну, встала, побежала!.. Нет, сначала размяться... Так-так, вон тот молодой человек, да, он ничего. А ну-ка подними глаза! Быстро улыбнулась, волосы распустила, нет, волосы лучше так оставь. Грудь вперед, живот в себя, как хорошо, что живота-то нет. Глаза... Самое главное глаза! Глаза должны быть счастливыми!.. Люди добрые, одолжите счастья сантиметр, ну очень надо!.. Ну, пожалуйста. Ага, сейчас тот парень отдаст. Эх, нет, побоялся, что его полотенце заберу... Так, фиг с ним, не то... Так-так, а вон тот? Что говоришь? Пошла?.. Куда пошла?! Я тебе сейчас пойду, я тебе сейчас так пойду! А ну два километра всего пробежала, дальше-дальше беги, быстрее! Зачем? Как это зачем? Попу классную хочешь? А ножки? Ножки-то вон какие!..

Ладно, отдохни, хорошо, кошечка, побольше пластики, побольше... Ну что ты, дурочка, все хнычешь? Вон какая, ух! Еще пятьдесят таких найдем, успокойся. Не хочешь? Ну ничего, пригодятся. Так, улыбочку не забываем! Надо же на ком-то тренироваться.

Так, деточка, ноги в руки и вперед! Навстречу страшному, неизвестному, но точно хорошему!

В раздевалке толпилось несколько полуголых девушек. Они медленно сушили волосы, красили

ресницы у зеркала и тихо переговаривались о чем-то своем.

— Такая темная... Интересно, каким автозагаром она пользуется?

— Такой естественный.

— Как будто натуральный.

— Спроси, Лик.

— Почему сразу я?

— Ну, тогда ты, Ник, интересно же.

— Да ну вас на фиг. Сама возьми, да спроси.

Я переоделась, вышла из раздевалки, отдала ключ и вызвала лифт. Недорогой спортклуб, куда я хожу с весны, находится на восьмом этаже бизнес-центра в конце Ракетного бульвара. Полукруглая башня в двадцать этажей — невнятного желто-зеленого цвета.

До сих пор не могу привыкнуть к лифтам. Их четыре. Каждый обозначен буквой — А, В, С, D. Чтобы подняться или спуститься на нужный этаж, нужно набрать его номер на цифровой панели, и тогда экран покажет букву — в этот лифт и нужно будет зайти.

Обычно я выбираю этаж и забываю посмотреть, в какой лифт заходить, но не сегодня. Нужный лифт приехал забитым почти под завязку. Я с трудом втиснулась в толпу молоденьких менеджеров с бейджиками из соседних офисов.

— А куда делась Вика? — спросила с оранжевым шнурком на шее.

— Ушла, — пожала плечами другая.

— Куда она ушла?

— Или кушать, или писать.

Лифт опустил на три этажа и снова открыл свои двери. На пятом этаже стоял парень с рюкзаком на одном плече. Он выглядел то ли очень усталым, то ли недовольным. Места в лифте не осталось.

— Не сегодня, — сказала я и громко рассмеялась, не сдержавшись.

Двери закрылись, лифт тронулся.

— Не обижайтесь! — крикнула я как бы вслед, все еще продолжая ржать.

На первом этаже я дошла до турникета и стала искать свой электронный пропуск. Неужели потеряла? Я копалась в сумке больше минуты.

— Проходи, — раздался писк, и на турникете загорелась зеленая стрелочка. Парень с пятого этажа прошел рядом и быстро скрылся за стеклянными дверями бизнес-центра.

Я прошла через турникет, поправила сумку и вышла на улицу. Хотелось заткнуть уши и

забыться в родном плейлисте.

Парень тем временем стоял рядом с щитовой, где у железной лестницы был пристегнут его велосипед. Он будто что-то искал в карманах, а велосипед был той же модели, с которого я упала недавно.

Хотя зеленое пятно уже заметно посветлело, и ссадины больше не кровоточили, большим пальцем все еще трудно было шевелить.

Ваня

— Иван, подойди-ка сюда! — крикнула madre из коридора. Я машинально свернул переписку с Элькой «Вконтакте» и вышел из комнаты.

Мы с сестрой с детства называем ее madre. Во втором классе учили испанский язык. Недолго, каких-то три месяца всего. А слово запомнилось, привязалось, прижилось в семье, хотя поначалу и звучало грубовато.

Madre работает учителем русского и литературы, так что мы с Олькой с первого класса были под присмотром. Так и сейчас, ничего не изменилось.

А еще мы с детства знали — если madre требует «подойти сюда», значит, будет отчитывать. Выберет самый строгий учительский тон и потребует подробных и четких объяснений — что, где, когда, зачем и почему.

Мы уже взрослые, нам почти по семнадцать, а таких моментов боимся до сих пор. Madre умеет вправить мозги.

— Иван, немедленно подойди сюда! — повторила madre уже более требовательно.

Madre стояла в ванной у стиральной машины и перебирала корзину с грязными вещами. Было заметно, как она хмурится под очками.

— Ну что я опять натворил?! — вздохнул я.

— Объясни мне пожалуйста, — начала она. — Что это такое?

Она наклонилась и подняла с пола черные кружевные трусы.

— Трусы, — невозмутимо ответил я.

— Я знаю. Иван, я долго на все это смотрела, долго терпела... ты парень взрослый и неглупый. Думала, поиграешь и одумаешься.

— О чем ты?

— Толь, подойти сюда! — позвала на помощь отца. — Мне нужна твоя помощь. Ваня не понимает простых вещей.

— Каких? — недовольно переспросил папа.

— Чтобы ноги ее больше не было в нашем доме! — четко произнесла madre, зашвыривая в стиральную машину светлую футболку. — Это нехорошая девочка, Вань. Я не хочу, чтобы ты с ней общался.

— Чем тебе так не угодила эта девочка? — не понимал папа.

— Знаю я этих столичных штучек! У них в этом возрасте с десятков парней сразу, выпивка, дискотеки, наркотики... Бесстыжая!

— Все они сейчас такие! Ну, видел я вчера ее. Нормальная, веселая девочка. Ну, влюбился парень — и что? Все влюбляются. Еще ничего не знаешь, а уже заранее на всех обозлилась, накручиваешь себя... Нельзя так.

— А как не накручивать?! У Вани и Оли выпускной класс, экзамены и поступление!

— Ну и поступят. Все поступают, и они поступят. Запасись валерьянкой и жди. Бывает и хуже, но реже.

— Да к ней полрайона табунами ходит. Я сама видела! Куда уж хуже! — Madre включила стиральную машину и прошагала на кухню. Там открыла новую пачку сигарет и закурила. Я никогда не видел, чтобы она курила. При мне это был первый раз.

— Самая лучшая школа района, а этот влюбленный идиот придет домой, рот не закрывает! Эля то, Эля другое, что-то сказала, что-то спела! Знаю я, чем эти песни кончаются. Пришло время, мальчик, серьезно поговорить с тобой.

— Да что я такое сделал-то? — не выдержал я.

Из своей комнаты вышел сонный Женек. Месяц назад ему исполнилось четыре. Непонятливо оглядел всех:

— Чего вы ругаетесь? — Тер левый глаз кулаком.

— Не слушай нас, Женечка, иди к себе, — ответила madre.

— Уши закрой и иди под одеяло, — поддержал я.

Женек не стал спорить. Зевнул, приложил к ушам ладони и пошел к себе.

— Вы только не ссорьтесь, — сказал он, открывая дверь комнаты.

— Мы не ссоримся, малыш, — ответила madre. — Я просто воспитываю твоего брата.

— Да что я сделал-то? — снова спросил я, стараясь не срывать на крик.

— А то не знаешь!

— Эля моя девушка, мы любим друг друга, у нас все серьезно, — сказал я.

— Какая такая любовь!.. — махнула рукой madre. — Если еще хоть раз увижу тебя рядом с этой дрянью, я не знаю, что сделаю. Вы уже последний стыд потеряли! Над вами вся школа смеется! Надо мной смеются! Тебе меня не жалко?! Только начала работать, а уже такое...

Если уж ей на меня плевать, то тебе-то, надеюсь, нет?

— Нет... — вздыхал я.

— Знаю я эти школьные любви! — почти кричала она. — И я знаю, чем это всегда заканчивается! Ранний брак, развод, алименты! Ты этого хочешь, Иван? Ты не знаешь... Но я это знаю! И я не хочу для тебя такого будущего, слышал?! Я понимаю, но и ты меня пойми... — Мадре задумалась и добавила чуть тише: — Секс не главное.

— Ма, отстань, ты сама не понимаешь, что говоришь... — казалось, я еле сдерживался, чтобы не рассмеяться.

— Тебе учиться надо, а здесь эта... Может быть, она и красивая, и интересная, но таких Элек у тебя еще знаешь сколько будет?! И даже лучше. А если ты будешь продолжать так меня позорить, то я боюсь, что придется перевести тебя в другую школу.

Ты хоть приглядишься к ней получше! Да что она себе позволяет?! Она прыгает тебе на шею на глазах у всей школы! Ты думаешь, я ничего не знаю, да? Ошибаешься! Я всегда все о тебе знала и знаю, запомни это! И не стыдно вам? Конечно, я понимаю...

Я сидел за кухонным столом и задумчиво смотрел на свои ноги в тапках, вздыхал и закатывал глаза, а madre продолжала вправлять мне мозги.

Элька ей с самого начала не понравилась.

— Сейчас вам все до лампочки, плевать вы хотели на всех с высокой колокольни, но пойми — это не главное для тебя сейчас! Ты и не думай. Сейчас, может, твоя Эля и красивая, но это только временное явление. Как простуда. Неделю болеешь — потом проходит сама. Так и твоя Эля. Я знала очень многих людей, кто в юности был — ну, просто глаз не отведешь! А встретишь через десять лет — самые обычные и неинтересные, не узнаешь даже! Вот увидишь, через десять лет твоя Эля станет самой обычной теткой. Прибавь к этому всему растянутые штаны, мятую футболку, грязный фартук, обляпанный фруктовым пюре, и пару маленьких рыжих засранцев, вечно орущих и путающихся под ногами. Нравится? Не нравится. Да ты сбежишь через неделю, мой дорогой.

Вряд ли madre сама верила в то, что говорила. Она придумывала на ходу. Для меня. Надо быстрее было внушить мне, что Элька далеко не та, которая мне нужна.

— Ох, хорошо, что хоть с Олей проблем нет.

Я молчал. Сказать мне пока было нечего. Единственный аргумент и факт — это любовь, но madre никак не хотела принимать это.

Мадре смотрела на меня и курила уже третью сигарету — я чувствовал — и молчала.

— Маленький он еще, — говорила она отцу. — Такие глупости говорит... Ну, ничего, я сама поговорю с этой рыжей дрянью.

— Ма, не надо с ней говорить.

— А пусть ведет себя нормально! — с чувством сказала madre и швырнула в меня кружевными трусами. — Вот, передай ей.

* * *

Я звонил ей с половины восьмого, но Эля не брала трубку. Она часто так делает. Может пропустить двадцать звонков, а потом перезвонить и сказать, что спала и не слышала. Или просто не слышала. Интересно, зачем тогда нужен телефон, если ты его слышишь раз в неделю?

Вышел на балкон. Окна четвертого этажа в соседнем доме, ее окна все еще оставались темными. Или она спала. Или ее не было дома. А если не дома, то где тогда? Хоть Эля и была моей девушкой, она никогда не отчитывалась и не докладывала о каждом своем шаге или хотя бы просто о своих планах на вечер. Не спросишь — не узнаешь. И так во всем.

«Вконтакте» Эля не появлялась с прошлой недели. Даже с мобильного не заходила. Ей было просто неинтересно глазеть на чужую жизнь. Зачем все это, если все твои лучшие друзья — в школе и во дворе?

«Лучше ходить в школу и гулять после школы, чем тратить лучшее время на подглядывание в замочную скважину», — сказала недавно Эля.

Я уснул в одиннадцать, так и не получив от нее ответа.

Спустя девять с половиной часов я вошел в кабинет математики и увидел ее. Элька сидела на столе в окружении парней-одноклассников.

— Привет! — кинула мне она и помахала рукой.

Я процедил то же самое в ответ и пошел за свою парту. Труднее всего признаться себе, что я ревновал. Легче сделать вид, что тебе все равно, соорудить типичный покер-фэйс и пройти мимо, чем поймать себя на слабости, о которой стыдно говорить.

— Элька плохо за нас болела вчера, поэтому мы и проиграли! Ничего, в следующий раз отыграемся! — эмоционально возмутился Королев.

— Ты смотри, себе ничего не ломай, я тебя знаю! — успокаивал его Антон. — Забыл, как по гвоздю на двери сортира долбанул?

— Фу! — Вова скорчил страшную гримасу, вспомнив этот случай.

— Рука была зеленая целый месяц! — хохотала Элька.

— Зато не писал на уроках!

— А что у тебя было с рукой?

— Ну, полгода назад играли с ребятами из 655-й. Мы выиграли! После матча я пошел в сортир пописать, потом вышел и хотел захлопнуть дверь... Как двину по ней со всей силы!.. Не заметил, что из двери гвоздь торчал, прямо по нему и попал.

— А я рядом стоял! — вспомнил Антон. — Кровища во все стороны, и вся рожа у Вовчика в красных брызгах.

— Ага, гвоздь насквозь в ладонь прошел... — покривился Вовка.

— Ну, потом отвели его к врачу, гвоздь ему вынули, перебинтовали, а рука такая зелено-серая еще целый месяц была, — вздыхала Элька.

— Без слез не взглянешь...

— Так ведь жив же! — весело сказал Вова. — Самое главное! А наша Анна все Тона ругает, что он гуляет по вечерам в парке, ввязывается в драки, а потом приходит в школу с перебитыми пальцами и отказывается ходить на физру.

— Неправда, Вовчик! — закричал Тон. — Всего один раз такое было! Я уж про тебя не говорю!

— Вань, ты чего там сидишь один? — крикнула Эля. — Иди к нам!

Я не ответил, достал наушники.

— Вань! — повторила Элька.

Молчу.

— Что случилось? — спросила она, выдернув наушник из правого уха.

— Ничего.

— Не хочешь разговаривать?

— Как ты вчера.

— А что я? — возмутилась Эля. — Я не слышала. На стадионе была, мальчишки за нашу школу вчера играли. Я должна была их поддержать. И вообще, я тебя приглашала еще в понедельник, но ты... ты забыл. А теперь бесишься, что я не ответила на звонок. Ты такой странный, Вань. Ну что, конфликт исчерпан?

— Ну да, — вздохнул я. — Наверное.

— Сегодня вечером мы идем в «Крейзи дейзи», — продолжала она. — Часа на три. Потанцуем, выпьем пару коктейлей. Пойдешь?

— А где это?

— На Сухаревской, у метро.

— Нет, наверное, — ответил. — У меня английский.

— Как хочешь, — пожала плечами Эля. — Если вдруг надумаешь, то приходи.

* * *

Последний час занятий не мог толком сосредоточиться. Меня тянуло вниз со страшной силой. Тянуло на улицу, тянуло к метро, тянуло в бар, куда меня звала Элька. Они там уже два часа отрываются, победу празднуют, а я тут сижу — пассивный залог и косвенную речь усвоить никак не могу.

Еле дотерпев до восьми, я выбежал из аудитории и вызвал лифт. Раз, два, три, четыре, пять... В

детстве madre посоветовала нам медленно считать до десяти и глубоко дышать, если нервничаешь и хочешь расслабиться.

Шесть, семь, восемь... Пришел лифт с буквой «Е» и с тощей брюнеткой внутри. А она ничего, только это не имеет значения. Элька все равно лучше.

До метро я добежал за три минуты. Если идти пешком, то получится около десяти минут, приличное расстояние, с километр будет.

Доехал до Сухаревской, вышел в левую сторону, поднялся и пошел прямо. Как там рассказывала Элька? Справа будет церковь и «Макдоналдс», слева — институт Склифосовского и кафе «Пронто», но мне туда не надо. Мне нужно прямо, никуда не сворачивая.

Через две минуты я был уже в баре. Это было как в фильме «Бар Дикий Койот». Полуголые барменши танцевали на барной стойке и что-то кричали в микрофоны. Иногда они спускались вниз, хватали за руку одну или нескольких танцующих посетительниц и тащили их за собой на стойку. Танцевать. Обычно девушки соглашались и пару-тройку песен зажигали на стойке. Эльки среди них я не увидел. Наверное, это хорошо. Запустили медляк. Посетители немного притихли. Парни закрутили головами по сторонам и начали приглашать девушек.

А я искал Элю. Позвонил два раза. Не ответила.

Знакомый громкий хохот сквозь музыку. Я обернулся. Элька обнималась с Королевым, что-то шептала ему на ухо и снова смеялась. Я видел только яркие красные губы и слышал смех. Эля не видела меня. Сейчас был только Корольев, с которым она танцевала...

Раз, два, три, четыре... я иду к ним, все ближе и ближе. Они танцуют и все сильнее обнимают друг друга. Эля поднимает голову и улыбается ему. Он наклоняется к ней и целует ее. В губы целует. Долго.

Пять, шесть, семь, восемь...

Все кончено?

Похоже, madre опять оказалась права

5-16 октября

Наташа

Игорь копался в своей сумке. Оглядываясь по сторонам, я подошла к нему на ватных ногах и стала рядом.

— Приветик! — радостно начала я. Только бы слова не забыть, только бы ничего не напутать. — Можно твой номер телефона?

— Мой номер? — переспросил он удивленно.

— Да, — кивнула я.

— Звонить мне будешь? — игривая улыбка. — Я это люблю.

— Да, по ночам.

— Я не помню номер. Дай мне свой, я тебе сейчас позвоню.

Я продиктовала номер, Игорь перезвонил. Эксперимент был завершен, и можно было вздохнуть спокойно, пока не придумалась очередная проблема.

— Спасибо, — улыбнулась я, возвращаясь к Нинке, которая ждала за углом, важно сложив руки на груди.

— Ну что, горе мое, справилась? — со слабой надеждой в голосе интересовалась Нинка. — Хотя можешь не отвечать. По глазам вижу, что опыт удался.

— Мы только что обменялись телефонами. И я ушла.

— Неплохо, — вздыхала Нинка. — Но могла бы и поболтать с ним. Ты можешь и не болтать много. Говорить нужно о нем, задавать вопросы о нем. Проявлять интерес. А когда он рассказывает — слушать, а не перебивать. Если до вечера он тебе не позвонит и не напишет, напишешь сама.

— И что мне ему писать?

— Не думала, что у тебя напряги с фантазией. Должна быть какая-нибудь интрига. Он должен ответить на твое сообщение.

— Вопрос какой-нибудь?

— Необязательно. Например, напиши ему что-то вроде. «Я кое-что о тебе знаю». Ему будет интересно. Во-первых, потому что это относится именно к нему. А во-вторых, он захочет узнать, что ты там о нем разузнала.

— Круто, — задумалась я. — Только что я ему отвечу?

— Наташ, это целая наука, — умничала Нинка. — Сейчас такое время, что мозги нужно напрягать не только в школе, но и при общении с симпатичным парнем! И, кстати, добавь его в друзья уже. Вы познакомились, обменялись телефонами, даже пообщались немного — так что уже можно.

* * *

После занятий в школе я ехала в трамвае забирать Сашку из детского сада. Заткнув уши, слушала сборник лучших песен Рианны, скачанный сегодня ночью.

За моей спиной сидят парень с девушкой. Первые две остановки они молчали, противно чмокаясь каждые три секунды. Я поставила максимальную громкость и все равно слышала это. Ненавижу. Не переношу влюбленные парочки. Еще немного, и меня стошнит сердечками.

Чуть позже им это надоело, но они продолжали молчать. Вернее, молчал парень. Но не девушка.

— Ма-а-акс, ну Ма-а-акс... — противно гнусавила девушка. — Ну, Ма-а-акс... — последний раз она произнесла это имя особенно тягуче.

Чего она хочет от него?

Когда я пришла, Сашка уже ждала меня в раздевалке. Под шкафчиком с веселой красной машинкой сидел трехлетний мальчик. Старший брат помогал ему одеться на улицу. Парень с трудом справлялся с «молнией», кнопками и пуговицами.

— Сама, сама, сама! — прокричала Сашка, заметив растерянных братьев, и подбежала к младшему. Бойко отодвинула в сторону старшего и одним движением застегнула «молнию» на куртке мелкого. Улыбнулась, хлопнула пушистыми ресницами и вернулась ко мне.

— Что сказать надо? — пробурчал старший.

— Привет! — сказал мелкий вместо «спасибо» и помахал мне рукой.

— Привет! — ответила я, пытаюсь натянуть на Сашку теплый свитер. — Давай сделаем по-взрослому?

Сашка внимательно посмотрела на меня:

— Давай.

— Давай сейчас мы быстро оденемся, — рассказывала я, незаметно натягивая на Сашку шапку, ботинки, застегивая пуговицы на кофте и надевая куртку. — Потом быстро пойдем домой.

— А потом?

— Потом... — задумалась я. — Кстати, это не Макс был?

— Какой Макс? — не поняла Сашка.

— Ну помнишь, ты надела красивые белые колготки, а он не пришел.

— А, этот, — отмахнулась Сашка. — Макс дурак, он с кудрявой мутит. Это Женек был, он хороший.

— Где ты набралась таких слов?

— Ты сама так говоришь, а я беру с тебя пример.

— Пойдем уже, что ли.

Держась за руки, мы вышли на улицу. По пути домой Сашка останавливалась у каждой вывески и спрашивала меня, что там написано; наблюдала за белыми голубями, порхающими у старой голубятни; слушала, как шумит вода под закрытым люком, и постоянно роняла бедный мандарин, который не успела съесть в полдник. Сначала я пыталась положить его к себе в сумку, но Сашка и не думала так просто его отдавать.

Тем временем я смотрела на часы. К шести нужно было успеть в Останкино, где Игорь назначил мне встречу. Наше первое свидание.

* * *

Мы сидели на скамейке у Останкинского пруда. В шесть вечера было уже достаточно темно. Над водой, крикая, летали рыжие утки, а в кустах шуршали вороны. Между нами расстояние больше полуметра.

Игорь открыл банку энергетика.

— Точно не будешь? — спрашивает.

— Не хочется, — отвечаю и неохотно пью воду. Ледяную, только из холодильника.

— Как хочешь, — пожал плечами Игорь.

— На прошлой неделе я почти не видела тебя в школе. Ты болел?

— Да, болел.

— Понятно...

Неловкое и унылое начало. Игорь только пил свой энергетик и даже не пытался поддержать разговор. На вопросы он отвечал односложно, а свои — не задавал и вообще оказался на редкость молчаливым.

— А какой у тебя любимый цвет?

— Да мне пофиг.

— А когда у тебя день рождения?

— В конце апреля.

— О, ты Телец?

— Ага.

— Ты романтик?

— Ну есть такое.

— Здорово. Наверное, ты любишь мечтать...

Завтра утром или даже сегодня вечером, когда я сяду в трамвай и поеду домой, мне будет очень стыдно за этот диалог, эти неудачные вопросы и весь этот неловкий момент длиной в два с половиной часа. Я буду смотреть в окно и морщиться, думая об этом.

— За какую команду болеешь?

— Я не фанат.

— Тебе не нравится футбол? Странно...

Когда все возможные дурацкие вопросы были заданы, а односложные ответы получены, оставалось только целоваться.

Игорь допил свой энергетик, я выбросила банку в урну. Зажевала мятной жвачкой и забралась ему на колени. Люблю доводить все до конца. Игорь не сопротивлялся. Он смотрел и молчал. Я поцеловала его. Было никак и противно.

Раз, два, три, четыре, пять... — досчитала до пяти в уме и встала на ноги.

— Пока, — сказала я, поправляя юбку и сумку. — Мне пора.

— Созвонимся, — отозвался Игорь, вытаскивая изо рта жвачку.

Я шла к остановке, смотрела на Останкинскую башню и довольно улыбалась. Я отклеила пластыри с ладони — один и второй — и тут же выкинула их.

Посмотрела на часы в мобильном, села у окна и задремала. Очнулась только через пять остановок, когда уже проехала южный вход на ВДНХ.

— ...Знаешь, а по-моему, она просто страшненькая... — шепот за спиной.

— Вы видели ее плечи? Слишком широкие для девушки!..

— А ноги! Ноги ты видела? Ботинки почти сороковой размер!..

— Откуда знаешь?

— Я сама видела. В раздевалке, пока она в душе была.

— Да ладно! Это все фигня.

— Почему?

— Я слышала, что она встречается с Лавриковым! — третий шепот. — На Королева живет. Они с моим братом на футбол вместе ходят. — Да ла-а-адно? — просипела вторая.

— Да. Их видели недавно в Ботаническом, эта рыжая сидела у него на коленях.

— Они целовались?

— Я думаю, они не только целовались.

— Да ладно?!.

Перед сном зашла в гугл. Поиск — холм Венеры.

Нашлось — семьсот сорок шесть тысяч ответов, две тысячи картинок и семьсот двадцать видеороликов на эту тему.

«Холм Венеры есть то возвышение, которое находится у основания большого пальца. Обыкновенно он отделяется первой главной линией, линией Венеры, которая также называется линией жизни, от остальной части ладони».

Засыпая, я все еще сидела «Вконтакте» с телефона. Игорь уже вернулся домой после нашей встречи и был онлайн. Я зашла на его страницу и удалила из друзей. Число моих подписчиков тут же увеличилось на одного, а через минуту снова стало прежним. Я удалила, он отписался от моих обновлений. А что я думала, он бегать за мной будет? Спокойная грустная злость.

Игорь не нравился мне. Я бы все равно его бросила через две недели. Просто было обидно, что он меня не оценил. Задел мою гордость, подпортил самооценку. Я подумала и удалила его из закладок. И даже переписку с ним удалила.

Мальчик в черной шапке, усыпанный пушистым прошлогодним снегом, был в Сети. На его стене висели всего три сообщения. Два видео и одна фотография. В статусе играл «Сектор Газа».

Нажимаю на фото, оно понравилось двадцати двум людям.

Нажимаю дальше. Мальчик стоит в снегу, а за спиной Останкинская башня.

Нажимаю дальше. Мальчик стоит на фоне стены с граффити.

Дальше. Мальчик сложил указательный палец левой руки с большим пальцем правой, а указательный палец правой — с большим левой. Он смотрит в это окно из пальцев и улыбается. У него прозрачные зеленые глаза и красивые губы.

Я закрываю его страницу, кладу в сторону телефон, отворачиваюсь к стене и тут же засыпаю.

* * *

Был обычный день, точнее — наше любимое время, когда день еще не начал становиться вечером, а значит, можно еще немного погулять и обсудить все важные дела.

Мы сидим втроем на детской площадке на Королева. Нинка переписывается на фейсбуке со своим рыжим англичанином, Настя залипла перед нетбуком.

Напротив нас метрах в десяти старая котельная. Грязная, серовато-белая стена была изрисована яркими неумелыми граффити. Точнее, только одной. Какой-то влюбленный идиот написал «Элька, я тебя люблю!» — зеленой краской. Кривые неустойчивые буквы, типичный почерк шестнадцатилетнего раздолбая.

— Ничего страшного, — успокаивала Нинка. — Ты ни в чем не виновата, это он придурок.

— Зато есть о чем поговорить, — улыбнулась Настя, не отрываясь от ноута. — Жаль не целовались.

— Целовались, — важно ответила я. — Я не особо хотела, но из принципа. Просто интересно было.

— Ну и как?

— Ничего особенного, просто бессмысленный обмен слюнями, — вздохнула я.

— Фу-у-у... противно, наверное.

— Да уж... А что ты делаешь? — спросила я Настю.

— Я переписываю все эсэмэски с телефона и копирую письма из электронной почты в один файл. Уже почти три года. Группирую по именам.

— А зачем?

— Для истории, — ответила она. — Еще я книжки по толкованию имен собираю. Сейчас модно называть необычными именами. Меня хотели назвать Феклой, но бабушка вовремя отговорила. И тогда меня назвали в честь баржи.

— Чего-о-о? — удивилась Нинка. — Ты бредишь. Какой еще баржи?

— Я родилась на месяц раньше срока. В тот день мама проснулась, позавтракала, намыла полы, вытерла пыль, сварила обед и села посмотреть телевизор. А там в новостях репортаж был, показывали канал, а на воде баржу. Старую такую, потертую, с красным спасательным кругом.

— Баржа «Анастасия» — вот это приколы, — тряслась от смеха Нинка.

— Не Анастасия, — обиделась подруга.

— Ты над нами издеваешься, — подключилась я. — Стерва. Ты посмотри на нее, сейчас еще обидится.

— Не Анастасия, а просто Настя.

— Баржа «Настя», — улыбнулась я. — Это самое милое, что я слышала за этот месяц.

— Ми-ми-ми, — передразнила Нинка.

— Короче, когда мама увидела эту баржу, у нее начались схватки. Она решила, что это знак. Ладно, так что ты теперь будешь делать?

— У меня есть анкета на «лавпланет», только я туда больше года не заходила. Надо добавить новые фотки, обновить информацию. Вряд ли там можно найти клевого парня, но можно хотя бы попробовать.

Девочки единогласно одобрили мое решение, и оставшиеся полчаса мы копались в моем смартфоне и выбирали фотографии, которые я вечером загружу на сайт знакомств.

* * *

На остановке трамвая крутилась невысокая девушка в бесформенной мужской толстовке и потертых джинсовых шортах. Черные колготки украшали крупные стрелки, на ногах грубые ботинки, на одном из которых развязался шнурок. Девушка была рыжей, лохматой и нервно курила. У нее короткая челка до середины лба. Такие никому не идут, потому что делают людей похожими на умственно отсталых, но этой девушке было к лицу.

Ей позвонили, она взяла трубку и стала что-то тихо говорить в нее.

— Понимаешь, мы слишком разные. Ему нужна другая. Тепличное растение, с деньгами, с богатыми предками. А вот мне и так хорошо. Понимаешь? Хорошо одной. Сейчас, в шестнадцать лет, мне никто не нужен. У меня отличные друзья. Я не хочу никому ничего доказывать. Куда мне спешить? Я ведь только пошла в одиннадцатый класс...

Я смотрела на нее и думала. Рыжая в рваных колготках озвучила то, в чем я сама себе боялась признаться. Действительно ли мне кто-то нужен, чтобы быть счастливой? Или я просто хочу, чтобы было не хуже, чем у других? И наконец, зачем мне парень? Для чего? И что изменится, если он будет? А что будет, если он не появится в ближайший год?

У меня не было ответов.

Я сама не знала, чего хочу.

* * *

Перед сном я зашла на сайт знакомств. Не заходила почти год. Последний раз — двенадцатого января в пять утра. Как раз после новогодних праздников. Тогда я зашла, удалила несколько фотографий, исправила информацию о себе — на правильную — и вышла. Как думала, навсегда.

Я — девушка.

Возраст — 16 лет.

Место жительства — Москва/Московская область.

Сексуальная ориентация — **гетеро**/би/гомо

Ищу — парня от 16 до 20 лет.

Цель — дружба, общение/ любовь, отношения

Никнейм:

Состояние: в Сети.

Хоть Нинка с Настей и говорили, что на сайтах знакомств сидят одни неудачники, я знала — они не правы.

Знала, потому что в прошлом году у меня был К. Я не произношу его имя вслух, потому что до сих пор боюсь расплакаться. Он был лучшим.

Так и было: у Нинки — Сэм с фейсбука; у Насти — Алишер и окна его комнаты на Королева, 7; у меня — просто К. в черной шапке из прошлой осени, лучшей осени из всех пятнадцати. «Девчонки, мы просто больные», — часто говорит Нинка, а мы с Настей соглашаемся. Не больные — просто ненормальные.

Знаешь, К., после тебя все мои симпатии длились не больше двух недель.

Все это — фэйк, суррогат и самообман.

Ваня

— Девушка, можно с вами познакомиться?

Нет, только не это. Так знакомились лохи в середине прошлого века. Совсем не то. Надо придумать что-то другое. Думай же, думай, Аристархов.

Иногда бывает хорошо, что эскалатор длинный. Можно всю жизнь успеть вспомнить, пока доедешь. Внизу, через три ступени от меня, стоит она. Брюнетка, читающая «Спорт-экспресс».

— Девушка, вашей маме зять не нужен?

Черт, еще хуже. Этот метод лучше вообще не использовать. Ближайшие десять лет — точно. Счет идет на минуты. Еще сотня секунд, и я ее потеряю. Если, конечно, не придумаю что-то нормальное.

Может, вот так?

— Девушка, где вы взяли такие ножки?

Да, Данила бы это оценил, конечно. Он мастер выдавать такие штучки. Девки на него ведутся, но он Даникс — этим все сказано.

Ладно, попробую так. Надеюсь, успею за полминуты.

Я спустился на две ступеньки. Ухо брюнетки оказалось прямо перед моими губами. Теперь главное, не спугнуть ее.

— Девушка, вы читаете «Спорт-экспресс», а я его уже прочитал, — начал я. Она медленно повернулась и внимательно посмотрела в глаза. — Спросите меня о чем-нибудь, и я вам отвечу.

Девушка улыбнулась, и ее темно-карие глаза заискрились довольным блеском. Почему-то у девчонок они всегда так блестят, когда они собираются сделать какую-то пакость. Съязвить или отшить парня, например.

— С каким счетом вчера ЦСКА сыграл? — спросила она, убирая за ухо прядь волос.

Я виновато пожал плечами и улыбнулся:

— Не знаю.

Девчонка нахмурилась.

— Как, ты не болеешь за ЦСКА? — спросила так, будто все обязаны болеть именно за ЦСКА.

— Нет.

Опустил глаза и начал понимать, что облом. Даникс всегда говорит, что я выбираю не тех, а потом переживаю, когда они меня обламывают.

— Жа-а-аль, — протянула брюнетка. — Не сошлись характерами!

Мы одновременно сошли с эскалатора и пошли в разные стороны. Мне правда жаль, красивая была девчонка. Счастье было так возможно, а все из-за ЦСКА.

Эля больше не моя. Уже больше недели. Она целовалась с другим в баре. Все было и так понятно. Даникс говорит, что это даже лучше, чем расстаться по телефону, по эсэмэс или «Вконтакте».

Я не стал удалять ее из друзей «Вконтакте», из ICQ, из телефонной книжки мобильного. На компьютере осталась папка с нашими фотографиями, рука не поднимается их удалить. Как-нибудь потом.

Проверяю почту каждые пять секунд. Обновляю страницу еще чаще. Смотрю без конца на мобильник, а когда он вдруг звонит — мечтаю увидеть ее имя на экране. Но этого не происходит. Все раздражает.

Утром на меня голубь нагадил, потом бабка с пустым ведром чуть с ног не сбила, а позже еще черная кошка дорогу три раза передо мной перебежала. Неудивительно, что счастья нет.

Даникс говорит, что мне нужно срочно отвлечься и замутить с какой-нибудь клевой телочкой. Сегодня я уже пытался с такой познакомиться, но не судьба — она болеет за ЦСКА.

* * *

Зашел в Интернет, Даникс под ником **Balamoot** сидел в ICQ. Он всегда онлайн, даже в школе — с мобильного. Рядом с ником висит красное сердце, а в статусе написано: **«Не беспокоить. Люблю Зайку»**.

У него все они — Зайки. Он всех любит. Кого-то один день, кого-то — два, а кому-то и на неделю повезти может.

Залез «Вконтакте», новых сообщений нет. Загрузил в альбом две старые фотографии с Элькой. Через минуту одну фотографию уже откомментировали.

Комментарии

Данила Панов

«Не надоело еще слезы лить?!»

Соберись, тряпка!»

Слезы я, конечно, не лил, но веду себя как-то не по-пацански. Надо собраться с мыслями, надо взять уже себя в руки. Я ж не тряпка, верно?

* * *

Наверное, дьявол навел меня на мысль зарегистрироваться на сайте знакомств. И, видимо, он же заставил зарегистрироваться сразу на нескольких. Сначала моя анкета была на 5 397 276-м месте рейтинга сайта, и мне вообще никто не писал.

Я решил поставить опыт. Пошли с Даниксом в гараж, и он сфоткал меня рядом с отцовским автомобилем. Черный «BMW X6», красавчик. Да и я на фото ничего так получился.

Это фото я разместил на одном из сайтов знакомств. Не прошло и часа, как мне посыпались

сообщения. Среди них были веселые десятилетние девочки, неадекваты, ванильки и даже один парень.

Коше4ка написала:

«Мур, мур, мур. Привет, красавчик! Покатаемся?»

Таня Ванильная написала:

«Приветтики! Ты клевый! Пообщаемся?»

Нагусе4ек написала:

«Покатаешь мну на своей мафынке?»

Веселая клубника написала:

«Такой бусичка!.. Мну влюбилось! Чмафф — чмафф!»

Плюшева зая написала:

«Какой халосый шладкий мальчег! Хочу! Позвони мну, солнце!»

Я честно не знал, кого выбрать, чтобы встретиться. Все были вполне ничего себе, но как-то слишком одинаковы. Даникс сидел рядом и выразительно ржал.

— Что за сайт ты нашел, а? — не унимался он. — Сайт для блондинок, да?

— Для блондинок с дефектом дикции.

— Ну что ж, своди ее на свидание к логопеду, что ли...

— Я бы сводил, да не знаю, кого выбрать.

— Можно, конечно, поболтать с ними и выбрать самую нормальную. Но вдруг она потом стремной окажется? Лучше сразу встретиться и понять, будет у вас что-нибудь или нет. Я так считаю.

— Все логично. В реале все понятнее и проще.

— Кто тебе из них больше нравится?

Я пожал плечами. Все пять девушек были мне абсолютно параллельны. Данил понимающе посмотрел на меня, потом вырвал из тетради листок бумаги. Порвал его линейкой на пять клочков и на каждом написал по имени девушки. Потом вытащил из-под стола мою старую ушанку и смахнул туда рукой бумажные комки. Встряхнул ее хорошенько и сказал:

— Открой рот, закрой глаза... тьфу ты, запутал совсем! Закрой глаза и тяни бумажку.

Я послушно закрыл глаза и протянул руку.

— Возможно, это твоя судьба, — еле сдерживая смех, добавил друг. — Ну, кто у тебя там?

— Таня, — прочитал я, развернув бумажку.

— Проблема решена, — заключил Даникс. — Пиши ей.

На аватаре фото: девушка в облегающих штанах и коротенькой майке стояла у стены, красиво выгнула спину, кокетливая улыбка в камеру. «Может быть, может быть...» — задумался я. В профиле у Тани было написано «Отдам сердце в добрые руки», а снизу десятков дурацких ванильных цитат. Например, «А у вас бывает такое... что перед сном вы лежите и представляете, как гуляете вместе, целуетесь, смеетесь и что вы счастливы?», или «Хочу влюбиться, чтобы хоп, и навсегда», или «Все люди, как люди, а я твое счастье». Дальше я читать не стал. Сейчас каждая третья такая.

Я ответил Тане, предложил встретиться, погулять и пообщаться. Выразил надежду, что будет очень весело. Договорились на завтра в три часа, пойдем гулять на ВДНХ.

* * *

Приехал к метро, ищу ее глазами. Вот же она. Не очень высокая, худая, черные волосы до середины спины, красиво растрепаны, смуглая кожа. И каблук. Каблуки огромные. Как они только ходят на таких? Это же чистый садизм.

Стоит спиной. Кожаная куртка, синие джинсы, руки в карманах. Все именно так, как мы договаривались.

— Тань, привет! — говорю, трогаю за локоть и захожу вперед.

— Чего? — недовольно ответила девушка, вынув белый наушник из правого уха. Как будто к ней каждую минуту кто-то подходит и лезет с дурацкими вопросами.

— Извини, я ошибся, — сказал и отошел.

Девчонка невозмутимо вернула наушник на место и принялась копаться в мобильном. А она ничего. Может, даже круче этой Тани. Не строит из себя няшку. Нормальная такая. Я бы с такой замутил, наверное.

— Вань, это ты? — сладкий девчачий голос. Повернулся — стоит ванильная дурочка. Смуглая, черноволосая, с пухлыми губами. Хорошенькая до невозможности.

— Привет! — улыбаюсь.

— Привет, — отвечает, опускает глаза, хлопает ресницами. Ах какие мы стеснительные. Кажется, я ей понравился. Хорошая девочка, но с такой помрешь с тоски за неделю. Вряд ли у нас что-то получится, я уже сейчас вижу.

Меня предупреждали, что такие сайты знакомств. Можно потратить годы на поиски, сходить на сотню свиданий, но так и не найти ту самую или того самого. Нужно быть готовым, что на это уйдет много времени и сил. Возможно, будет много разочарований.

— Как дела? — спросила она. — Как выходные?

— Бодрячком, — лучшего ответа я не придумал. — А у тебя?

— Хорошо, — улыбнулась Таня.

Идем дальше, молчим. Офигеть, как весело. Зазвонил мобильник: «...знать бы хотя бы, где ты, с кем ты, тепло ли там, на твоей планете, слать бы тебе конверты, как Кай Герде кубики изо льда прямиком в никуда...»

Знакомая мелодия, но совсем незнакомый номер.

— Да, — ответил я.

— Але, это Ваня? — совсем незнакомый девичий голос.

— Да, это я.

— А Танюха с тобой?

— Э-э... ну как бы да.

— Можешь дать ей трубочку?

Я удивленно протянул ей трубку со словами:

— Это тебя.

Таня же не удивилась.

— Але, да, зая, это я. Ага, ага. Да. Буду дома, позвоню, — сюсюкала Таня. — Все хорошо, не волнуйся, он не маньяк.

«Спасибо, до свидания!» — по-другому не скажешь!

Молча забираю мобильник. Буду думать, как удалиться с этих сайтов знакомств. Сходил, называется, на свидание. Вот Данила ржать будет.

А вот это было все-таки лучше:

— Девушка, можно с вами познакомиться?

* * *

С нашей первой встречи прошло меньше недели. Таня преследует меня.

Шлет бесконечные эсмэски: «Пливет, малыфф! Как деля? У мну халасо...»

Атакует меня «Вконтакте».

Таня Ванильная:

«Привки! Мну только что сфоткалась в ванной. Как я тебе, мась?: —))) Пойдем седня гулять?»

Фото ужасное. Наверное, сама себя на мобилу снимала. Я думаю, в этом нет ничего плохого.

Мне кажется, каждый второй человек хотя бы раз пытался сам себя сфоткать. Даже я иногда сам себя фоткаю. Не в ванной, правда. Выйду, бывает, на балкон, сострою физиономию из серии «знойный мачо», приподниму бровь и нажму на кнопку. Надеюсь, эти фото никто не увидит.

Так вот, Таня.

Обижать ее мне совсем не хочется, но и восхищаться ее красотой было бы нечестно. Поэтому я тупо отвечаю, что фотка почему-то не грузится, инет третий день глючит, а на канал мы гулять сегодня не пойдем, потому что всей семьей едем к бабушке в другой город. На все выходные.

Да, я отмазываюсь. Не хочу, не могу встречаться с Таней, а сказать ей об этом прямо — не хватает духу. Даникс хотел помочь и написать ей от моего имени, но я отказался. Сам что-нибудь придумаю. Например, не буду отвечать на ее сообщения или обижу ее своим невниманием.

Таня тем временем комментирует мои фотоальбомы «Вконтакте». Вот тут я, например, на свадьбе у сестры в прошлом году. На мне костюм и галстук. Серега говорит, девчонкам нравятся такие вот парни — в стильных костюмах, и настаивает, чтобы я ходил так в школу. Мол, надену этот костюм — и все девчонки будут мои. Было бы неплохо, да.

Таня Ванильная

«Серьезныш: —)))))))))»

Или вот так:

«Масеньш!: —)))))))))»

А бывает и так:

«Пупсеньш!!!: —))»

Ну и не без этого:

«Любимка мой! Чмафф!: —))))))»

Мне неудобно за нее. Такие же чувства я испытываю, когда смотрю кино и кто-то из героев попадает в неловкую ситуацию. Хочется закрыть глаза и заткнуть уши, а еще лучше — просто переключить канал. Очень противное чувство.

Я нажимаю «удалить» под каждым ее комментарием и ухожу в офлайн.

Я скучаю по Эльке и боюсь признаться самому себе — я ищу кого-то, чтобы отвлечься, а на самом деле жду, что вдруг, однажды, Элька передумает и вернется — будет просить прощения, и я прощу ее. Наверное. Обниму и прощу.

20 октября- 1 ноября

Наташа

Субботу мы проводили в ТЦ «Охотный ряд». Настя остановилась у одного из обувных магазинов, схватила Нинку за руку и потащила внутрь.

— Ой, глянь, какие классные... — восхищенно шептала Настя, беря в руки леопардовые ботильоны на тонкой шпильке.

— О-о-о-ой... — донесся голос со стороны кассы. Две девки, года на два-три старше нас.

— Детский са-а-а-а-ад... — гнусавила первая, нарочно растягивая слова. — Штаны на ля-а-а-амках!..

— Как интере-е-е-есно-то!.. — соглашалась вторая.

Хоть они и шептались, мы все слышали. Настя с Нинкой изумленно переглянулись и подмигнули друг другу. Настя схватила второй ботильон и начала бурно восхищаться.

— Ааай, посмотри какие кла-а-а-асные! — сходила с ума Настя и совала под нос Нинке обувь. — Су-у-у-у-упер! Такие прико-о-о-ольные!..

— Ага, посмотри сюда! — Нинка протянула ей замшевый ботинок и тыкнула пальцем в каблук. — Посмотри, как клево-о-о-ово!!! Офиге-е-е-е-еть! Я просто тащу-у-у-у-сь!.. — вздыхала она, еле сдерживая хохот, переходящий в лошадиное ржание.

Нина и Настя издевались еще пять минут. Девки у кассы примолкли и только злобно смотрели на них. После они расплатились за покупки и испарились из магазина.

Тем временем мы аккуратно поставили обувь на место. Настя чуть было не расцеловала ботильоны для большего эффекта. По-идиотски смеясь и держась за животы, Настя и Нина выбрались наружу, так ничего и не купив.

— Девчонки, мы ненормальные! — сказала Настя, переводя дыхание. — Только мы могли до такого додуматься! Я просто хотела показать ботильоны, которые мне понравились, — серьезно продолжала она. — Я что, не имею права показать обувь?

* * *

Чего хочет девушка?

Нина хочет выучить английский настолько хорошо, чтобы он стал родным. Перепрыгнуть языковой барьер и общаться на равных с Сэмом.

Нина скорее купит еще один англо-русский словарь на тысячу с лишним страниц, чем потратит деньги на очередную кофточку, десятые джинсы или новую помаду, которую я в свои неполные семнадцать лет до сих пор не умею подбирать.

Мы с Настей недавно сказали, что ей надо лечиться, но Нина ответила, что все в порядке — лучше одержимо учить иностранный язык, чем фанатеть от «Сумерек» и слушать Бибера.

Нина живет с родителями, младшим братом, кошкой и ручной крысой.

Димка младше ее на два года, учится с нами в одной школе, всегда палит, когда она списывает домашку по геометрии, и требует сотню за молчание. Приходится платить со словами: «Вали отсюда!» — хоть и жалко. Одна домашка — сто рублей, а десять домашек — это уже русско-английский словарь внушительных размеров.

У Нинки две большие любви — Сэм с фейсбука и английский язык.

Последнее время Нина полюбила заходить в мужские отделы популярных магазинов, ходить среди вешалок, трогать руками большие уютные толстовки, просторные футболки и свитера. Наверное, она представляла, что когда-нибудь сможет подарить Сэму — вот эту кофту, например, с теплым капюшоном и карманом на животе.

Задумчиво смотрит, прикладывает к себе, смотрит размер на вешалке. Мне кажется, Нинке грустно. Она выбрала простую серую толстовку на «молнии», самого маленького мужского размера и направилась к кассе. Мы с Настей подтянулись за ней.

Впереди нас — влюбленная пара. Мерзкая, как и все влюбленные пары в самом начале отношений, когда они не могут оторваться друг от друга и постоянно целуются. Как их только не тошнит друг от друга?

— За-а-ай, ну дава-а-ай, возьмем эти шортики? — тянула лохматая девушка с неровно обесцвеченными волосами и смотрела на парня глазами Ослика, которого Шрек не хочет брать с собой на прогулку. — Ну, ведь кла-а-асные, смотри... — сует ему почти под нос вешалку с драными джинсовыми шортами.

— Нет, зай, давай не будем, — строго отвечал ей парень, вешая штаны обратно.

— Ну, почему-у-у? — девушка повисла на руке парня. — Зай, а что мне тогда носи-и-ить?

Парень не ответил.

Мы втроем переглянулись, поняв друг друга без слов.

— Зачем тебе эта кофта? — спросила Настя Нину.

— Сама буду носить, — ответила Нина. — Скоро зима, а кофта большая и теплая.

— Этот неловкий момент, когда парень дает тебе свою толстовку, а она тебе мала, — задумчиво сказала я. Нинка ответила мне лишь хмурым взглядом.

Настя протянула руку и задумчиво погладила серый капюшон мужской толстовки. Она ничего не сказала, но я знала, о чем она подумала.

* * *

Настя обожает животных. Она готова тащить домой каждого бездомного кота, что встречается ей по дороге, помогать каждой больной собаке и искать добрые руки для каждого брошенного хозяевами зверя.

— Вчера шла в магазин вечером, снег пошел... — рассказывала Настя. — У крыльца сидел мопс, дрожал от холода. Потерялся, наверное, или оставили. Подумала, если обратно пойду, а он все еще будет сидеть, возьму его с собой.

— Ты неисправима, Насть, — вздыхала Нинка. — У тебя же кот. Так ты взяла его?

— Да, он сидел там. Сказала ему, пойдешь со мной. Он будто понял и пошел рядом.

— Что думаешь теперь делать?

— Если хозяин не найдется, выложу «Вконтакте». Может, возьмет кто.

— Фотки есть? — спросила Нина.

— Конечно! — обрадовалась чему-то Настя и полезла за телефоном. — Вот он.

— Ути какая лапа, — засюсюкала Нинка. — Какие черные глазки, какой плюшевый. Как можно было забыть такого под дождем?

Я не люблю людей. Особенно тех, кто бросает животных. Это еще хуже, чем предать друга. Месяц поноют и заживут как раньше, а домашний кот, оказавшись на улице, не проживет и года.

А что же я? Когда я закрываю глаза, я представляю, что веду прогноз погоды или вечерние новости на Первом канале. А иногда мне хочется работать на орбитальной космической станции. Еще я бы хотела снимать кино. Авторское кино, или арт-хаус, или меланхоличные драмы, оставляющие нежно-горькое послевкусие. Я не знаю, чего хочу. Желания меняются каждый день, иногда повторяются, что-то забывается. Остается только — прогноз погоды, космос и кино.

А еще остаются мысли о К. и о нашей прошлой осени. Если я чего-то сейчас и хочу, так это увидеть его.

Мы были мерзкими, как и все влюбленные пары в первые три месяца.

Если уж и быть мерзкой, то только с ним.

* * *

Мы гуляли по второму ярусу Манежной площади, откуда можно было видеть сказочные скульптуры уже неработающих фонтанов. Рядом с Иваном-дураком и Царевной-лягушкой пряталась влюбленная парочка.

— Нашли место! — ворчала Нинка.

— Завидуй молча, — прошипела я и тише добавила: — Стерва.

— Я боюсь за этого парня, — объяснила Нина. — Смотри, как он зажал ее в углу. Сейчас он ее поцелует.

— Надеюсь, она превратится в лягушку.

— Надеюсь, он тоже.

— Да ну вас, девчонки, — не понимала Настя. — Злые вы какие.

— Какие же мы мерзкие, — начала смеяться Нинка, чуть позже к ней подключилась я, после

меня и Настя.

* * *

Воскресным утром я зашла в полупустой трамвай, уткнулась лбом в стекло и закрыла глаза. Всего сорок минут, и я буду на конечной.

Сегодня ровно год, как мы познакомились.

Когда до конечной оставалось две остановки, к горлу подступил ком. Сдавленная боль отдавала в виски, стало трудно дышать. Ни выдохнуть, ни вдохнуть. Внутри сжималась пружина. Все сильнее и сильнее. Кажется, что сильнее уже некуда, но она все сжимается и сжимается, давит со всей силы и злости. Хочется кричать. И плакать. Кричать проще. А плакать не получается. Удушье без слез. Моя личная вспышка психологического ада.

В такие моменты хочется уже добить себя вконец. Прореветься, вдохнуть, отдышаться и успокоиться. Только вот чем себя добить?

Лучше всего помогают песни. У меня даже есть специальный плейлист — личный сборник самых унылых и душераздирающих песен. Вот, например, Доминик Джокер «Если ты со мной». Выбираю, нажимаю «play».

Через минуту, когда трамвай остановился у «Иль Патио», я открыла сумку и достала солнечные очки. Я всегда ношу их с собой, несмотря на то что лето закончилось больше двух месяцев назад.

Слезы потекли, медленно и лениво. Защищало глаза. Я надела очки и посмотрела на свое прозрачное отражение в окне, незаметно смахнула слезу.

Точно так же я плакала в трамвае 17 в середине января. Точно так же прятала глаза под солнечными очками. Возможно, я выглядела душой — солнечные очки в минус пятнадцать. Но я считала, что лучше выглядеть душой, чем показывать свои слезы.

Я вышла на конечной, прошла мимо кирпичного кафе с вывеской «Пончики», перешла дорогу напротив усадьбы Останкино и зашла в парк.

Начало ноября, ближе к середине. Осень уже не была золотой. Осень была уже зимой — судя по тому, как мерзли мои руки, сжатые в кулаки, спрятанные в карманы прошлогоднего пальто, что не грело.

Закрыв глаза, я запрокинула голову и подняла руки, ощутила холодное и влажное движение осеннего воздуха на пальцах. В ушах пел на «повторе» Доминик Джокер, а я медленно кружилась в этой ледяной, хмурой и бесконечно одинокой осени, одинокой без тебя, К.

* * *

Год назад я зарегистрировалась на сайте знакомств. Настоящими в моей анкете были только фотографии. Я не хотела отношений, не искала приключений и, главное, не хотела ни в кого влюбляться.

Получать комплименты. И прикалываться. Только это.

Я была просто Наташей, студенткой из Москвы, восемнадцати лет. И я как бы искала парня от

восемнадцать до двадцати пяти.

Однажды мне написал К.

Ему было двадцать два, и он был Овном, а я пятнадцатилетним Львом. Он был старше на восемь лет, но не знал об этом. Он искал девушку от восемнадцати до двадцати.

Еще он был похож на вампира Эдварда. Сама не знаю, почему ответила ему. Мне никогда не нравился Паттинсон, но лицо этого парня показалось мне приятным. Черты более мягкие, цвет кожи теплее. Нинка тогда еще сказала, что фанатки «Сумерек» побьют меня, если увидят его.

Я не сказала, сколько мне лет на самом деле.

Когда мы впервые встретились, меня замкнуло.

Ощувив легкое покалывание в пальцах, я открыла глаза. Шел первый снег. Я смотрела на свои ладони и видела, как быстро тают снежинки на буграх Венеры. Рана на левой ладони почти зажила, только кожа немного шелушилась на этом месте.

* * *

Когда я шла с трамвайной остановки к дому, снег успел превратиться в противный холодный дождь. На детской площадке сидел какой-то парень. Натянув капюшон, он мерз на зеленой скамейке. Он не прятался под зонт и ничего не делал. Просто сидел под дождем и смотрел себе под ноги. Будто ему нравилось это — сидеть и мокнуть.

Я прошла мимо, вызвала лифт и поднялась к себе. Открыла дверь и зашла в квартиру, включила свет. Скинула сапоги и сразу к ноуту. Интернет, «Вконтакте», пришло три сообщения. Возвращаюсь в коридор, снимаю пальто, вешаю. Где тапочки?

Смотрю в окно. Парень все так же сидит на скамейке. Интересно, что с ним случилось? Промокнет ведь, воспаление легких подхватит, в больницу попадет. Странный какой-то.

Налила себе большую чашку чая и вернулась к ноуту. Промокший парень не выходил из головы.

Я снова надела сапоги, накинула пальто, захватила зонт и спустилась вниз. Парень на скамейке сидел неподвижно. Я села рядом и молча поделилась зонтом.

— Тебе чем-нибудь помочь? — неуверенно спросила я.

— Да нет... — вздохнул парень. — Спасибо. Это просто день лоха.

— Почему?

— Утром уходил, не взял ключи, а в автобусе у меня айфон украли. Новый совсем, только неделю назад купил. А на сим-карте восемьсот контактов. Куча музыки, фотки, «Angry Birds».

— Да ладно тебе ныть, — усмехнулась я. — Хочешь, пойдём ко мне, пожрём? Я тут живу, в соседнем доме. Парень посмотрел на меня и улыбнулся, а потом рассмеялся и долго не мог остановиться. Он был симпатичным. Я бы даже сказала ухоженным. Красивая кожа, как после фотошопа, нормальная стрижка, новые джинсы и кеды, яркий шарф на шее, кожаная куртка. Парень явно следил за собой и старался выглядеть стильным. И у него это получалось.

— Ты не хочешь спросить, как меня зовут? — продолжал смеяться он.

— Как тебя зовут?

— Миша. А тебя?

— А меня Наташа. Ну что, будешь дальше ныть и мокнуть или пойдём обедать?

— Пойдем обедать, конечно.

Мы вместе, под одним зонтом пошли к подъезду.

— А ты не боишься приглашать в гости незнакомых парней? — спросил вдруг он.

— Вообще боюсь, — призналась я. — Но тебя — нет. Ты хороший.

Миша хотел было возразить, когда я доставала ключи, но я его остановила:

— Ой, только не надо говорить, какой ты плохой, я тебе все равно не поверю.

— Почему?

— Плохие парни не говорят о том, что они плохие, — ответила я. — Они это молча показывают. Так что, если ты хочешь поиграть в плохого, не говори никому, что ты плохой. Просто будь гадом.

— И девушки ко мне потянутся?

— Ну да, — улыбнулась я. — Заходи.

— Девушки ведь любят плохих парней?

— Так ведь и парни любят плохих девочек. Им неинтересно с хорошими, которые любят их. Им нужно, чтобы мордой в грязь.

— А мы стоим друг друга, — покачал головой Миша. — Парни и девчонки.

— Моя подруга говорит, что все парни дебилы, а девки — дуры.

— Почему?

— Это твой любимый вопрос?

— Ага. Ну почему?

— Потому что никто никого не понимает.

— Это точно, — согласился Миша. — Знаешь, мне грустно не оттого, что у меня сперли айфон, а потому что вчера с девушкой познакомился, записал номер ее...

— И теперь не можешь ей позвонить...

- Да, а она ведь ждет, наверное. Я ведь обещал позвонить.
- Подождет неделю и перестанет. Подумает, не судьба. Моя подруга Нинка сказала бы, что это знак.
- Знак чего?
- Мы уже сидели на кухне. Миша с аппетитом ел борщ и задавал все больше вопросов. Он неплохой парень, но, похоже, с девчонками ему не очень везет.
- Что это не твоя девочка, например. Что твоя в любом случае будет твоей. А зачем тебе чужая?
- Но при чем здесь мой айфон? Да каждый день у тысячи людей крадут айфоны... Мне кажется, твоя подруга ищет скрытый смысл там, где его просто нет.
- Тогда тебе нужно найти другой способ связаться с ней. «Вконтакте» напиши ей!
- Если бы... — отмахнулся Миша. — Я знаю только имя и станцию метро. Алена из Царицына, блин.
- Далековато.
- Да уж... — загрустил он. — А у тебя есть парень?
- Нет, но уже год не могу забыть одного.
- Бросил тебя?
- Ну да, но я сама виновата. Врала ему с самого начала.
- Это плохо. А о чем врала-то?
- Мне было пятнадцать, а я врала, что восемнадцать.
- А он что, взрослый был?
- Ему двадцать три. Испугался, связался с малолеткой. Мы на «лавпланет» познакомились.
- Ну это ты зря, конечно. Парни редко прощают вранье.
- Наелся?
- Да, спасибо большое. А ты «Вконтакте» есть?
- Я кивнула.
- Наталья Калганова.
- Добавлю тебя вечером, — сказал Миша. — Домой пойду, обрадую родителей. Пришли уже, наверное.

* * *

Я проводила Мишу, помыла посуду и вернулась к ноуту. Зашла «Вконтакте», открыла закладки. К. был онлайн. Он редко сюда заходит. Раз в неделю, или в две недели. Он не меняет аватар и не загружает новых фотографий. Только друзей добавляет иногда и видео с автомобильными авариями смотрит.

Я вздрагиваю каждый раз, когда вижу слово «онлайн» под его фотографией. Я жду. И не жду. У него своя жизнь вне контакта, о которой я ничего никогда не знала. И вряд ли узнаю.

Год назад он был молодым экономистом. Типичным представителем офисного планктона в отглаженной рубашке, темных брюках, галстук и безрукавке сверху. С девяти до шести он работал в колл-центре банка, делал по две сотни звонков каждый день и продавал кредиты.

После шести переодевался в джинсы и серую кофту, снимал очки, вешал рюкзак на спину и становился почти шестнадцатилетним. Никто бы и не подумал, что он старше меня на семь лет, увидя нас вместе.

К. не хотел взрослеть, а я чувствовала себя старше своих пятнадцати.

Где-то там, между двадцать два и пятнадцать — мы нашли «золотую середину» и совпали.

Я скучаю, К., очень.

Сейчас, этим вечером, я бы многое отдала за единственное слово «привет» и три дурацкие скобочки рядом.

Часы в правом нижнем углу экрана показывали семнадцать ноль две.

Пришла заявка в друзья от Миши. Я сразу добавила его и вышла.

Пора было идти за Сашкой в детский сад.

* * *

Я ждала Сашку, сидя под ее шкафчиком в раздевалке. Два мальчика невдалеке что-то увлеченно обсуждали. Светленький на миг обернулся и посмотрел на меня, будто пытаясь узнать.

— Привет! — крикнул он и помахал мне машиной в руке.

Он всегда со мной здоровается, когда я прихожу. Кажется, его зовут Женя. Сашка недавно рассказывала мне.

— Привет! — отвечаю ему, не замечая, что улыбаюсь.

Уткнувшись в телефон, я пыталась прислушаться к их детскому разговору.

— А с кем вчера твой брат приходил? — спросил Женю второй мальчик.

— Это его девушка. Танька. Такая дура...

— Понятно. Будем завтра играть?

— Да, только надо Сашку позвать. Будет в нашей команде. Она нормальная, хоть и девчонка.

— А разве так бывает?

— Бывает, но очень редко, — грустно вздохнул Женя.

Ваня

Прозвенел звонок на первый урок. В класс начали подтягиваться недовольные ученики. Вот Королев в своем страшном зеленом пуховике — на спине у него сидела Элька, заразительно смеялась и приговаривала:

— Покатай меня, большая черепаха! До моей парты, пожалуйста!

— За черепаху ответишь! — грозился Королев, хитро глядя на Эльку.

— Хорошо, — издевалась Элька. — Только после уроков. Сегодня ведь еще две контрольные по алгебре-геометрии, по литературе доклад, а вместо англиша наша группа идет встречать англичан. Будем мальчикам школу показывать и глупые вопросы задавать.

— Мальчики, говоришь? — Королев прищурил глаз. Элька быстро закивала. — За мальчиков тоже ответишь.

— Конечно, — улыбка Эли стала еще шире. — Сразу после чаепития в актовом зале. На Красную площадь я с ними точно не поеду. Так что после пяти совершенно свободна. Вообще, — болтала Элька, все так же сидя на спине у парня, — сегодня курсы, но мне в лом туда ехать. Поэтому дома лучше не появляться часов до девяти. Какие предложения?

— Сегодня Вовчик и Серый играют против парней из 655-й, — ответил он, сажая Элю за парту. — Пойдем болеть за них?

— Глупый вопрос.

Мы с Элей расстались неделю назад. Мы даже не здороваемся. Она не смотрит на меня. Я не смотрю на нее. Вернее, делаю вид, что не смотрю. На каждой перемене бегаю за школу. Обкурился вконец. Даже сигареты — и то напоминают о ней. Сразу вспоминаю, как она курила на балконе, а потом целовала. И приятно, и горько. Сейчас осталось только второе.

Люблю и ненавижу ее. И не знаю, что сильнее.

* * *

— Где ваши листки с предложениями? — строго спросила Ирина Александровна, глядя на нас с Данилом. На прошлом уроке она выдала список предложений, которые нужно было перевести с русского на англиш к этому уроку.

Ни у Даникса, ни у меня домашки не было. Мы переглядывались, молчали и загадочно улыбались.

— Понимаете, тут такое дело... — тихо начал я. — Мы вчера с ним вместе уроки делали. Только сели английский учить, а кот Даникса наделал на наши предложения. Вот так.

Класс неровно засмеялся.

— Да, мы вместе готовились, — многозначительно повторил Данила, кивая головой. — У меня дома.

Ирина недоверчиво ухмыльнулась:

— Ну, тогда возьмите новые... — предлагает она.

— Да нет, мы те высушим лучше, — улыбнулся Даня.

— Это уже ваши проблемы, — вздохнула она. — Раз у вас нет листка, садитесь к кому-нибудь, у кого есть. Данила пускай пересядет к Эле, а Липин... к Свете.

Зря она это сделала.

Даникс пялился на Эльку, бубнил, надувал губы, кривлялся, хихикал, а к середине урока совсем обнаглел и стал щекотать ее со словами:

— Синеглазка, ну че ты такая бука?

Я же вместо того чтобы переводить предложения или хотя бы читать готовый перевод с листа, положил Светкину ладонь на учебник и стал быстро тыкать ручкой между пальцами.

Ирина Александровна, наблюдая за этим пять минут, не выдержала и сказала:

— Денис! Кирилл! Тьфу, Данил! Перестань немедленно! Или выйдите оба из класса и развлекайтесь там!

Ирина Александровна никак не может запомнить, как зовут Даникса.

— Мы больше не будем, — сделав серьезное лицо, сказал Даня, а потом хитро подмигнул мне. Пришло эсэмэс от Тани.

Таня

«Приветик, малыш! Что делаешь?:(»»

Закрыл сообщение, ничего не ответив.

* * *

После уроков нужно было идти к Даниксу — учить и репетировать песни для новогоднего концерта. Узнав, что там будет Элька, хотел отказаться, но позже взял себя в руки. Надо быть уже мужиком, в конце концов, и вести себя соответствующе.

Выступать через две недели, а мы даже толком не знали, что будем петь.

Первым, кого я увидел, войдя в квартиру, был Королев. Он крепко пожал мне руку, прошел в комнату, бормоча что-то себе под нос, и включил телевизор. С кухни в этот момент поделовому вышла Маришка с двумя глазированными сырками и выключила телевизор; один сырок дала Дашке, другой — ела сама.

— Ну, Бе-е-елка, что ты делаешь?! — простонал Вова. — Включи обратно!

— Нет, мы будем репетировать! — твердо сказала Маришка. — Давай слушать песню!

— Да я весь день ее слушаю!

— Тогда бери гитару!

— Она не настроена.

— Тогда, клоун, — отозвалась вдруг Дашка, — думай, что мы будем петь. У кого какие идеи?

— Надо устроить мозговой штурм, — предложила Элька.

— Какой на фиг штурм, — сказал я. — «Вконтакте» искать не пробовали?

— Не пробовали... — растерялась Эля.

Я сел за ноут Даникса, зашел «Вконтакт» и открыл страницу с аудиозаписями. В строке поиска написал «с новым годом», и в тот же момент нашлось несколько тысяч самых разных песен на нужную тему — начиная с детских и заканчивая клубными.

— Сколько песен нужно? — спросил я, когда рядом со мной начал собираться любопытный и взволнованный народ. Одна Элька не подошла. Все так же сидела на полу и листала старый глянцевоый журнал.

— Хватит трех, — ответил Даникс.

— Да можно и две, но чтоб крутые были.

— И чтобы «минусовку» можно было скачать.

— Тогда нужно брать известные, — ответил я. — Давайте возьмем две на английском, раз школа английская, и одну на русском. Просто выберем лучшее, что уже было придумано до нас. Например, Синатра — Let it snow, АВВА — Harry new year. И что-нибудь из русского.

— Давайте про снежинку? — улыбалась Маришка.

— Да запросто.

— Решено.

За следующие полчаса были найдены и скачаны сами песни и «минусовки», распечатаны тексты в нескольких экземплярах. Дело оставалось за малым — спеть так, чтобы на концерте все ахнули.

Потом мы несколько раз прослушали песни с серьезными лицами. Элька сидела на полу и молча наблюдала за нами.

— Ладно, — говорил Королев. — Вы тут пойте, а я пока новости посмотрю... — включил телевизор. Маришка выключила.

— Королев! — сердилась она. — Веди себя как следует!

Элька уселась на полу у кресла и принялась рассматривать сборники аккордов, пока друзья тщетно пытались начать репетицию.

— Все! Все перевертали! — кричала на них Даша и хваталась за голову. — Нас помидорами закидают! — она забралась с ногами на диван, улеглась на подушку и закрыла глаза. — Антон, давай «Чижа и Ко».

Здесь Королев обрадовался и тут же начал наигрывать «А не спеть ли мне песню». Элька отвлеклась от сборников и стала тихо подпевать им. Под конец песни она уже не замечала, что поет в полный голос.

— Слушай, Элька! — встрепенулась Даша и села на диване. — Давай-ка, спой Harry new year. Это песня специально для тебя. — Включила «минусовку», подула в микрофон и протянула Эльке, так и сидевшей недовольно на полу.

Неохотно заглядывая в помятую бумажку со словами, Элька спела первый куплет. Королев обнимал гитару и восхищенно смотрел на Эльку, будто желая скорее узнать, как она споет следующую ноту. В припеве Маришка и Даша осторожно начали подпевать.

Дашка ни разу не перебивала, не махала руками, как она обычно делала, когда Королев фальшивил, — она только одобряюще кивала головой, глядя в глаза подругам.

— Молодец, — шепотом сказала Дашка и обняла Эльку.

Королев сидел в кресле с голыми ногами в семейниках, лениво напевал «Лирику» «Сектора Газа» и жаловался друзьям на свои коленки.

— Коленки у меня что-то волосатые... — говорил он. — Когда играю в футбол, они лысеют, а когда долго не играю, опять становятся волосатыми.

До песен ему, как и Эльке, не было никакого дела. Мне казалось, я читаю их мысли. Они мечтали поскорее отделаться от всего этого. Мечтали, чтобы мы скорее разошлись по домам и они смогли остаться только вдвоем.

Пришла эсэмэска от Тани.

Таня

«Масеныш, ты почему мне не отвечаешь? ((Ты гдеее?))»

Эля сидела на коленях у Королева и нежно терлась носом о его лоб. По моему затылку пробежала стая противных мурашек. Это не те мурашки, которые бегут по телу, когда ты первый раз прикасаешься к любимой девушке. Эти мурашки появляются, когда ты видишь, что твою девочку обнимает другой, и ты ничего не можешь исправить.

В ванильных группах «Вконтакте», которые читает Таня, часто пишут — если девушка не может полюбить парня, то в этом только он и виноват.

Какой же бред все-таки.

Пока я шел домой, от Тани пришло еще одно сообщение.

Таня

«Мась, а где мы будем Новый год встречать?»

Иногда мне кажется, я начинаю понимать, почему ванильные девушки часто влюблены безответно. Если я сейчас брошу ее, Таня пойдет на кухню, нальет себе кофе без сахара, запрется в комнате, сядет на подоконник и выкурит, не затягиваясь, свою первую в жизни сигарету.

20-25 декабря

Наташа

В четыре часа дня на школьном дворе ни души. Это потому, что сегодня пятница и все уже разбрелись по своим компаниям, чтобы традиционно отпраздновать конец недели. Я уже пять минут топтала снег у школьного крыльца, бесцельно разглядывая собственные следы, и ждала, пока Нинка и Настя накрасятся и оденутся. К шести нужно успеть в «Крейзи Дейзи».

Скрипнула дверь, и на улицу вышли трое малолеток. Наверное, четвертый или пятый класс. Мальчик и две девчонки. Девочки были обычными, укутанные в теплые пуховики и бесформенные шапки. Мне почему-то всегда немного жалко девочек в таком возрасте. Страшненькие почти все, прыщи, фигуры нет, да и одежда обычно — отстой полный. Мне повезло, в десять лет я была красивой, и грудь у меня выросла раньше всех.

В общем, девочки были обычными. А парень был хорошеньким. Даже очень. Та, что повыше, все время что-то шептала той, что пониже, и толкала ее в сторону мальчика. Он равнодушно водил по снегу носком ботинка и не смотрел на девочек.

— Ну, давай! Скажи-и-и! Скажи-и-и ему! — снова толкает ее к мальчику. Девочка поправляет шапку и нерешительно подходит к нему.

— Ди-и-им.

— Что? — отозвался мальчик.

— Дим, а я тебя люблю, — сказала девочка.

— А я тоже тебя люблю. — По школьной лестнице уже спускалась наша физручка. Спустилась и ушла, будто так все и должно быть. Вот это эпик фейл. Неловкий момент — как он есть.

— Дим, пойдём погуляем... — тихо продолжила девочка.

— Да, Дим, пойдём, — поддержала вторая.

— Отстаньте от меня. Чего вы пристали!

Стеснительная обычная девочка не нравилась красивому мальчику. Я это просто знала. Для этого не нужно смотреть ей на ладонь и долго изучать линии. Мальчик одиннадцати лет пускал слюни на аппетитную одноклассницу — на ту, какой я была почти шесть лет назад. Впрочем, как и большинство его одноклассников, и не только. Ей же они — до фонаря, хотя и приятно до безумия — быть объектом всеобщего внимания.

Первый раз я пришла в «Крейзи Дейзи» год назад, когда Настя еще встречалась с Алишером. Мы ходили туда вчетвером — Настя с ним, и мы с Нинкой. Было весело.

Мы сразу устроились за небольшим столом в виде железной бочки. Говорить было сложно из-за громкой музыки. Еще сложнее было слушать собеседника. Но у нас получалось, хоть и с трудом.

— Где будем Новый год встречать? — спросила Настя.

— Миша всех зовет к себе на дачу, — ответила я. — Это недалеко, в Подмосковье.

— И что, хорошая дача? — не доверяла Нинка. — Что там есть?

— Два этажа, — задумалась я. — Нет, два с половиной даже. Настольный теннис, бильярд, бассейн, сауна, мангал на участке и еще пенопластовая собака в траве у забора. Ну, и все удобства. Ванная, душ, диваны, кровати — места всем хватит, да и вряд ли мы все одновременно заляжем спать. Кстати, девчонки, есть три двуспальные кровати... Такие мягкие, просторные.

— А бассейн-то какой? Большой? Глубокий?

— Да нет, Михе по грудь, но поплавать можно. Главное, не нырять с разбегу.

— А сауна? — интересовалась Нина.

— Маленькая такая, уютная. Человека три поместится. Может, и четыре, если девочки.

— А кто там будет? — спросила Настя.

— Его подруги и друзья будут, человек пятнадцать где-то.

— Что, поедем? — задумалась Нина, глядя на Настю.

— Поедем, — пожала плечами Настя. — Чего дома сидеть.

— Ой, смотрите, кто идет! — кривляясь, протянула Нина и кивнула вперед. — Ванильное чудо.

— Приветтики! — радостно поздоровалась девочка.

— Привет, Тань, — хором сказали мы с Настей. — Как дела?

— Отличненько, — улыбалась она. — Я здесь с подругами, — многозначительная пауза. — И с парнем!

Тане — пятнадцать лет. До сих пор не могу понять, как ее сюда пускают. Она обожает сериал «Сплетница» и знает трилогию «Сумерки» наизусть. Еще у нее очень большая грудь, которой

она гордится. Если ты общаешься с Таней и у тебя вдруг заканчиваются темы для разговора, то всегда можно поговорить о груди, потому что об этом Таня может говорить бесконечно.

Еще она хорошенькая до невозможности — этого не отнять. Как сотни смуглых, небрежно лохматых девочек с фотографий из ванильных групп, под которыми обычно пишут что-то вроде «если люблю, то по-настоящему... Если помню, то вечно... Если прощаюсь, то навсегда...». Или: «Хорошей девочкой я уже была... Мне не понравилось...» Или: «Все парни думают что они сильнее девушек, но для каждого найдется та, которая заставит его страдать одним взглядом!»

— Нин, а какой у тебя размер груди? — важно спросила она, поправляя очки в черной оправе.

— Не знаю, — еле сдерживая раздражение, ответила Нина.

— Ну, как так, ты не знаешь? — не поверила Таня. — Что у тебя на лифчике написано?

— На моем лифчике написано «фак офф», — ответила Нина, одарив Таню наглым взглядом. — И вышит средний палец. На другом лифчике написано «секси», — издевалась она. — И что? А зачем тебе мой размер?

— Мне просто интересно... Ты не знаешь кого-нибудь, у кого первый номер? Так интересно, как это выглядит, когда грудь маленькая...

— А у тебя что, она с рождения такая?

— Не знаю, но, сколько я себя помню, она у меня всегда такая, — ответила Таня, слегка приподняв снизу свои формы, чтоб казались еще больше и пышнее. — У Насти, мне кажется, где-то второй номер, у Наташки третий, а у тебя, наверное, минус первый...

Мы молча переглянулись. Такого сказочного хамства мы от нее не ожидали. Играла современная поп-музыка; народ постепенно прибывал. Среди них было много новых лиц, но иногда встречались и знакомые.

— Я, конечно, понимаю, что не могу похвастаться особо пышными формами, но чтоб так наехать... — сказала Нина, когда Таня вышла на улицу с новым парнем.

— Не слушай грудастых ванилек.

— Между прочим, ни один парень не жаловался, — сказала Нина.

— Вот и не парься.

С улицы вернулась Таня. Мы делали вид, что не обращаем на нее внимания.

— Знаете, девчонки... — сказала Таня так, будто хотела признаться нам по секрету, кто является тайной любовницей Джастина Бибера.

— Не знаем, — отрезала Нинка.

Но Таня не растерялась и продолжила речь:

— Знаете, иногда мне кажется, что я просто гиперсексуальна!

— Хорошо, что только кажется, — ехидно улыбнулась я, пялясь прямо в глаза Тане.

— Кстати, а где с парнем познакомилась? — спросила Настя.

— А что, правда хорошенький? — заулыбалась Таня.

— Да ничего, — кивнула Настя. — Симпатичный.

— Ты не поверишь, — продолжала улыбаться Таня. — На сайте знакомств месяц назад. Смотрите, какой зая... — Таня быстро достала айфон, открыла папку фотографий, обработанных самыми нежными фильтрами инстаграма, и села, чтобы нам всем было удобно смотреть.

— Вот это мы в аэротрубе летать ездили, — рассказывала Таня. — Это мы на первом свидании. Это мы в Ботаническом саду гуляем. Это мы в кино ходили недавно. Правда, он зая? Обожаю его, он такой хороший...

Таня медленно водила пальцем по экрану, перелистывая фотографии. Настя и Нина внимательно смотрели, одобрительно поддакивали и кивали головами. Мне же было скучно.

— Так его люблю, прям не могу! — улыбалась Таня. Когда фотографии закончились, она крепко поцеловала экран айфона, вытерла его рукавом, засунула в карман и убежала к своим, куда ее уже звали.

— Стерва, — плюнула вслед Нинка и засмеялась. — Как же она меня бесит.

Тем временем ее подруги принесли поднос с коктейлями. Невысокая блондинка поджигала их зажигалкой. Под громкие одобрительные крики Таня выпила один через соломинку.

Тем временем заиграла «Ai se eu te reço» Мишеля Тело. На барную стойку вылезли полураздетые барменши и начали откровенно танцевать. Таня с подругами резвились рядом, тянули вверх руки и визжали. На середине песни одна из барменш спустилась вниз, добежала до Тани, схватила ее за руку и быстро уволокла за собой на стойку. Таня не растерялась — тут же начала отплясывать, размахивая руками и широко улыбаясь. Хорошая девочка, которая безумно хочет стать плохой и не упускает ни одной возможности доказать это.

Дотанцевав под «Ai se eu te reço», мы втроем спустились в туалет. Перед умывальниками стояла группа девушек. Кто-то мыл руки, кто-то фотографировал свое отражение, кто-то поправлял макияж, остальные просто разговаривали. А я поправляла волосы, ждала Нину с Настей и слушала.

— Сережа еще говорил, что Паша ему больше, чем друг. Почти брат. Сказал, что я могу с ним один раз поцеловаться, и он тогда не будет к нему ревновать меня. Ну, разрешил, типа. Я его и поцеловала. Ну, сначала просто два раза, а потом один раз с языком. Сережа все узнал, наорал на меня, сказал, что не может меня сейчас видеть, что потом поговорим, когда он сам ко мне сюда приедет... — редела худая лохматая блондинка, по ее щекам текли угольно-черные слезы.

— Ой, ну это же глупо со стороны Сережи! — утешала ее блондинка чуть выше ростом, обнимая ее за плечи. — Он же сам тебе разрешил...

— И что особенного? Ну, поцеловала один раз и что, расставаться теперь? Тем более он же был не против!

— А ты не пробовала представить себя на его месте? — вмешалась третья девушка.

— Нет...

— А ты попробуй... Представь, что у Сережи внезапно появляется желание поцеловать твою лучшую подругу. Катюху вот, например. Ты ему разрешаешь... И что дальше?

— Да я б ему...

— Я тоже!

— Ой... как же мне теперь с ним помириться?!

Таню тем временем пытались снять с барной стойки. Ей понравилось танцевать и что на нее все смотрят. Так что уходить ей совсем не хотелось.

— Я не хочу! — упиралась Таня. — Где Ваня? Я хочу к Ванечке...

— Ванечке лучше не видеть тебя такой, — отвечала ей одна из подруг. — Самой же стыдно будет завтра.

— Мне нечего стыдиться. Мне шестнадцать лет! Я взрослая.

Нинка наблюдала за ними, снисходительно улыбаясь.

— Значит, его зовут Ванечка, — сказала она. — Какое милое имя. Ми-ми-ми.

— Ванечка, — повторила я за ней.

— Иван in a million, — серьезно произнесла Нина.

— Чего? — не поняла я.

— Иван in a million. One in a million, — сказала Нина. — Звучит почти одинаково. Это игра слов. Один на миллион. Иван на миллион.

— Скорее, таких Иванов — миллионы, — поправила я.

— Они расстанутся.

— Наверное.

— Завтра же. Максимум через неделю.

— К Новому году — точно, — улыбнулась Настя.

— Какие вы добрые, девочки.

— С тебя пример берем.

Мы танцевали еще полтора часа. Таню и ее парня в этот вечер больше не видели, да и подруги ее быстро собрались и исчезли в течение получаса.

В девять вечера я вышла из метро и двадцать минут прождала трамвай под лениво порхающими снежинками. Мне так хотелось спать, что не было сил подслушивать чужие разговоры. Да и пассажиры в это время суток не были настроены на плодотворное общение.

Я смотрела в окно и старалась ни о чем не думать. Мне казалось, я задремала с открытыми глазами. Должно быть, я странно смотрелась со стороны.

Пришла в себя, когда мы остановились на проезде Шакальского. В соседнем трамвае, что ехал в сторону Останкина, сидел парень и водил рукой в окне. Я подняла глаза — он смотрел на меня и улыбался. Он был в шапке, но видно, что симпатичный. Я улыбнулась ему в ответ, и мы еще с полминуты смотрели друг на друга, пока трамваи не поехали — каждый в свою сторону.

* * *

Настя держалась рукой за бортик бассейна, а мы с Нинкой спокойно балансировали рядом в воде. Мы уже проплыли десять дорожек и теперь могли просто отдыхать оставшиеся двадцать минут от урока.

— Слушай, а кто такой Михаил Пустовалов у тебя в друзьях? — спросила Нинка.

— Разве я не рассказывала? Мы познакомились неделю назад. Он мок под дождем на детской площадке, а я предложила пойти ко мне и пожрать. Вот и все.

— Ты совсем долбанулась? Вдруг он маньяк.

— Да не, он нормальный парень. И кстати, вроде бы свободный пока.

— У меня есть Сэм, — отмахнулась Нина.

— А у меня Алишер, — поддержала Настя. — Хотя Миша очень симпатичный.

— Насть, он фотает себя в зеркало на айфон, — брезгливо прошептала Нина. — И фоточки в инстаграм выкладывает. Он же обычный хипстер!

— Он обычный парень, — ответила я. — Завтра могу вас познакомить. Он правда милый. Можем пойти вместе по магазинам, а потом поесть где-нибудь.

— Ты пойдешь? — спросила Нинка Настю.

— Пойду, — кивнула она.

— Мы пойдем, — подтвердила Нина.

— Ну неужели... — я вдохнула побольше воздуха и ушла под воду. Достала ногами кафельное дно и поднялась наверх. В этот же момент меня обдало градом брызг. В метре от меня нырнул парень в бирюзовых длинных шортах.

— Смотри, куда ныряешь, debil! — крикнула Нинка, направляясь к лестнице.

— Придурок... — шептала я, тяжело дыша. Немного вправо, и не обошлось бы без травм. — И откуда только он взялся?

— Извини, пожалуйста, я не специально... честно... — оправдывался парень.

Я не хотела его слушать и быстро плыла к лестнице. Даже смотреть на него не хотелось. Время нашего занятия уже закончилось, а мы все еще сидели в воде. Я начинала замерзать. Хотелось на пару минут в сауну погреться и собираться домой.

* * *

Сначала мои подруги настороженно восприняли Мишу, но уже через час умудрились рассказать ему даже о Сэме и Алишере.

Миша оказался таким, что ему хотелось обо всем рассказать и спросить совета. С ним было легко. Хотя он и выглядел как хипстер и фоткал все, что его окружало, в том числе еду, — Миша оставался простым парнем. «Своим» таким парнем, «своим» человеком. С таким можно долго-долго дружить, а потом в момент влюбиться. Или лучше влюбиться сразу? Мне кажется, у них с Настей могло бы что-то получиться, если бы она перестала мучить себя воспоминаниями об Алишере и оставила попытки вернуть его.

— Я знаю, что тебе нужно сделать, чтобы твой Алишер на тебя внимание обратил.

— И что же? — недоверчиво отозвалась Настя.

— В моем классе, когда еще мы в Красногорске жили, была девчонка, — рассказывал Миша. — Сначала мы очень хорошо дружили, все было клево, но потом она стала ко мне липнуть. Не давала прохода, звонила постоянно, преследовала и все такое. Куда бы я ни пошел, где бы я ни был — везде была она. Ксюша. В общем, так она меня достала, что я не выдержал и послал ее очень далеко. Оттуда не возвращаются. В шутку, правда, но все равно обидно, наверное. С этого момента ее как подменили. Она резко стала меня игнорить. Перестала здороваться, попадаться на глаза, звонить, общаться. Как будто я просто не существую для нее. И не только это. Она сама как-то изменилась. И дело не в том, что стала по-другому одеваться или волосы отстригла... Тут другое. А потом пошел слух, что у нее парень появился. Еще чуть позже, где-то через неделю, что она заняла первое место на городской олимпиаде по математике. Еще через месяц, что написала какую-то книгу. Короче, столько всего интересного она скрывала... И знаешь, как-то я даже пожалел, что нахамил ей тогда. Захотелось увидаться, потрепаться, как раньше, хотелось вернуть то, что было. Я заскучал по ней, а потом мы переехали в Москву. Тебе нужно сделать так же. Просто перестань ждать его под окнами. Думаешь, он не знает об этом? Знает, поверь. Если сам не видел, то ему точно об этом говорили. Стань недоступной. Во всех смыслах.

— Слушай, а ведь это здорово, — улыбнулась Настя. — И так просто.

— Чем хуже относишься к парню, тем больше он тянется к тебе. Главное, не перестараться.

Нина тем временем долго рассматривала мою ладонь, приближала, потом удаляла. Смотрела под разными углами и даже надевала отцовские очки. Хмурилась.

— Ну что там?

— У тебя тут крест. Вот, смотри. — Ткнула пальцем в ладонь. — Присмотрись внимательно. Видишь?

— Не-а, — пожала плечами. — А это плохо?

— Это знак однолюба.

— Не слушай ее, — сказал мне Миша прямо в ухо.

Ваня

В пятницу нас сняли с третьего урока, чтобы мы еще раз отрепетировали свою песню в актовом зале и хорошо выступили на следующей неделе. Я, Элька, Марина и Дашка сидели в актовом зале и ждали парней.

Пришла эсэмэска от Тани. Мы не виделись больше недели. С того дня, как она танцевала на барной стойке в «Крейзи Дейзи», а потом ее тошнило. Подруги привели ее в чувство, а я отвез домой. Таня живет в Медведкове, почти на конечной трамвая 17. От ее дома до Останкина — сорок две минуты, я специально засекал.

Ей удобно ездить ко мне домой. Мне удобно ездить к ней. Это плюс.

Я не люблю ее. Даже не могу сказать, что она мне нравится. Это минус.

Таня

Если тебе все равно на меня, то так и скажи. Неужели трудно?

Это действительно трудно — трудно сказать девушке, что она тебе не нравится, забрать надежду и отпустить ее.

Проще — мучить ее неизвестностью, не отвечать на сообщения, откладывать встречи и забывать звонить, если обещал. Это проще. Намного проще, а они влюбляются еще сильнее — побочный эффект равнодушия. И я ответил ей.

Да, думаю, встретаться мы не сможем.

Нажал «Отправить» и спрятал телефон. Парни уже были готовы, репетиция концерта продолжалась.

* * *

Королев, как всегда, шутил. Когда мы начали петь, выяснилось, что он совершенно не помнит слов песен. Дашка держала перед ним листок со словами, чтобы он их читал и не путался, но это не сильно ему помогало. И тогда Даша не вытерпела, подошла к нему и засунула в рот шоколадную конфету.

— С цианистым калием, что ли? — шутил он, хитро глядя на Дашу.

— Учи! — Даша показала пальцем на листок со словами и подошла к Эльке.

Она сидела за синтезатором и лениво жала на клавиши, думая о том, что произошло со всеми ними за эти четыре месяца одиннадцатого класса.

— Забей, — сказала Элька. — Всегда все обходилось, и сегодня обойдется.

— Одна надежда на тебя, — вздохнула она. — Все три песни твои. Парней поставим сзади,

будут рот открывать. Ванька тебе поможет. У него идеальный слух. И голос неплохой.

— Да, я знаю, — отвечала Эля. — Он музыкалку закончил в прошлом году.

— Фортепиано?

— Виолончель, — сказала Эля. По голосу я понял, что она улыбалась.

— Прикольно. Значит, мы справимся.

Королев и Даникс обсуждали футбольный матч за сценой и допивали кофе, а мы репетировали еще полтора часа.

— Молодец, — спокойно хвалила меня Эля. — Лучше Синатры.

— А ты лучше Рианны, — улыбался я в ответ.

— Вань, ты прости меня.

— За что?

— Ты сам знаешь, я знаю.

— Мы оба виноваты, — ответил я. — Ты тоже прости.

— Так что, мир?

— Мир, — кивнул я.

Так мы помирились. Наверное, Эля права, и нам действительно лучше дружить, чем быть вместе и ненавидеть друг друга.

Дальше мы репетировали все вместе. Сначала Королев перевирал мелодию и путал слова.

— Врешь, врешь, Королев! — ругалась Дашка, готовая наброситься на него с кулаками и отпинать как следует. — Элька, Ваня, спойте правильно, плиз...

Мы спели первый куплет «Let it snow», второй куплет Королев начал петь сам и спел отлично.

— Молодчина. — Элька взяла в руки его лицо, наклонилась и, смеясь, поцеловала в щеку. Вова просиял от радости.

— Еще, пожалуйста, в другую... — требовал он.

— Ну, ладно... — согласилась она и еще раз поцеловала его.

— А теперь я тебя... — И сам поцеловал ее в щеку.

— Ребята, вы прелесть... — смеялась сзади Дашка.

— Да просто он спел правильно. — Эля стирала блеск с щек Королева.

— Так, Элька, ты где? — Маришка в романтичном бежевом платье на тонких бретельках волновалась больше всех. — Нам через пять минут на сцену выходить!

— А микрофон для нее приготовили? — спросил Королев.

— Да, уже стоит... — кивнула Маришка и подбежала к Эльке. — Все готово. Ты готова?

— Я боюсь... — Элька чувствовала, как начинают дрожать коленки. — Я не смогу...

— Там твоя мама... — шепотом сказала мне Даша, проходя за сцену и поправляя платье на Эле. — Она волнуется.

— Нас уже объявили... — сказала Маришка. — Пойдемте, быстрее!

* * *

За два часа мы выходили на сцену три раза. Нас много фотографировали, нам аплодировали. Мы волновались и нервничали, боялись забыть важные слова или не попасть в ноты.

Элька немного стеснялась зрительного зала, несмотря на всю свою крутость в реальной жизни. Нам чуть ли не силой приходилось выталкивать ее вперед и ставить посередине. Я замечал улыбки на лицах учителей и школьников.

Тем не менее наше выступление было названо самым лучшим в новогоднем концерте. Я видел, как madre, держа за руку мелкого Женька, подходила ближе к сцене, чтобы сфоткать меня, а потом счастливо улыбалась и показывала кулак. Женек тоже улыбался, хлопал в ладоши и был жутко смешным — два дня назад у него выпал центральный молочный зуб сверху.

После третьей песни мы спустились в зал, чтобы досмотреть концерт. Достал мобильный — от Тани пришла еще одна эсэмэска.

Таня

«Козел. Ты такой же, как все. (((»

Я не такой. Просто ты не та.

Если задуматься, сколько времени мы тратим на общение, километровые переписки «Вконтакте», споры в ICQ, «спокойные ночи» по эсэмэс и выяснения отношений с не теми людьми, то становится страшно и грустно.

Это ведь действительно страшно — не встретить, пройти мимо и не узнать «ту самую».

Бывает, я вижу девушек на улице и даже хочу познакомиться, но не подхожу к ним. Вдруг я с ней познакомлюсь, а она — «не та», а «та самая», другая — в этот момент прошла мимо, в метре от меня, за моей спиной.

Слишком сложные мысли для конца года. Хочется снять их с себя, стянуть через голову, как свитер или футболку, спокойно вдохнуть и расслабиться. И точно знать — мое будет моим, а чужого мне не надо.

Кто-то мне писал об этом «Вконтакте» недавно.

27-31 декабря

Наташа

— Глянь, че там за сорище?

Предпоследний учебный день второй четверти. Мы с Нинкой решили прогулять физру и потихому смотаться домой. У школьного забора резвилась группа малолеток. Раскрасневшиеся дети бегали друг за другом, растирали снегом лица, смеялись и орали.

— Пятиклассники бесятся.

— Ой, отпусти, отпусти-и-ии! — провизжал высокий девчачий голос. — Ну перестань уже, Ткаченко, мне же щекотно!

Среди них я заметила красивого мальчика, которому признавалась в любви невзрачная девочка несколько дней назад. Он бежал за смуглой девочкой в короткой расстегнутой шубке. Шикарные темные волосы красиво развевались с каждым ее движением. Тонкие ноги в аккуратных новых уггах, узкое черное платье — короче шубы. Она улыбалась, убегала от него, оглядывалась, потом вдруг поддавалась и позволяла себя поймать, схватить за руки, притащить к дереву, сомкнуть ладони за ним и долго держать за запястья. Девочка громко смеялась, пыталась вырваться, но было видно, что все это ей очень нравится.

— Отпусти, отпусти ее, Дим! — другой тонкий детский голос. — Ей же больно, Дим, перестань!

Другая девочка подбежала к ним. Она пыталась оторвать его руки от чужих запястий и все говорила, срываясь на шепот, «отпусти-и-и, отпусти-и-и ее». Это была та самая девочка. Глупая. И простая. Неужели она действительно не понимает, что ей не светит? Или понимает, но думает, что если сможет оторвать его руки от соперницы, то у нее появится шанс? Мне жалко ее. Тяжело, наверное, быть ребенком.

Пока я смотрела на них, Нинка уже успела дойти до стадиона и подойти к дырке в заборе. Там она заметила, что я отстала, и теперь шла мне навстречу.

— Ты чего там застряла вообще?

— Дети такие дети, — задумчиво ответила я.

— Хотела бы снова в пятый класс?

— Нет, я тогда была жирной.

— Все с тобой ясно.

* * *

— Ниночка, Настя, осторожнее, девочки! — приговаривала Галина Александровна, стоя у дверей вагона и пропуская вперед своих учеников. — Только вашего травматизма мне не хватало! Однажды я везла группу в Лондон, — рассказывала она Виктору. — Талантливые ребята, сейчас им всем за двадцать, а тогда было, как этим, по четырнадцать-пятнадцать лет. Они у меня такие умные оказались! У нас номера были на третьем этаже, а под окнами на

уровне второго этажа пристройка небольшая, типа магазинчик или кофейня какая-то. Вот они, мои хулиганы, и начали с третьего этажа прыгать из окон на эту самую пристройку!

— Мало их на тренировках гоняли, — кивнул Виктор.

— И не говори, Вить! — махнула рукой Галина. — А если бы там крыша была непрочная? Ну а у меня чуть инфаркт не случился! Сколько раз уже зарекалась возить этих хулиганов, да не могу их бросить. Люблю всех, как родных детей! Ну, что там? Егор, Саша, что вы там забыли? — Сейчас зайду к Михе, потом дождемся Настю, а потом обратно в школу, — рассуждала я, когда мы с Нинкой выходили из школы. Вторую четверть я закончила без троек.

— Смотри-ка, малявки опять что-то там чудят, — кивнула Нина в сторону гаражей, откуда доносился веселый девчачий смех и визг. Группа детей стояла небольшим кругом.

— Давай, Вик, ну давай же, скажи ему!.. — требовали девчонки. — Чего ты боишься? Это же так просто, всего три слова. Знаешь, он ведь тоже тебя любит, да-да...

— Откуда ты знаешь? — не доверяла девочка.

— Мы говорили об этом на перемене. Я сказала девочкам, что ты любишь Диму, а он услышал и сказал, что тоже тебя любит.

— Правда? — с восторженной надеждой спросила девочка.

— Конечно! Зачем мне тебе врать? Давай, скажи ему все!

— Как думаешь, скажет или нет? — спросила я Нинку.

— Скажет, — ответила Нинка. — Наивная. Такая тупая разводка. Я бы не говорила на ее месте. Вообще, я бы поболтала с ней.

— С кем? — не поняла я.

— С девочкой. Надо вправить ей мозги.

— У тебя еще будет время, — сказала я. — Они здесь каждый день после уроков тусуются.

— Странно, — удивилась Нинка. — У них что, Интернет не работает дома?

Я рассмеялась, и мы пошли дальше.

— А ты помнишь себя в одиннадцать лет? — спросила Нина.

— Помню, — кивнула я.

— Тебе хотелось, чтобы у тебя был парень?

— Наверное, но это не было целью.

— Повезло. Обычно, когда тебе двенадцать-тринадцать лет, ты дико хочешь с кем-то встречаться. Хочешь, чтобы у тебя был парень, как у твоей подруги, как у девчонки из параллельного класса, как у соседки и старшей сестры — хочешь не отставать. Хочешь быть как все, потому что парень прибавляет авторитет. Если его нет — тебя считают неудачницей, а

это очень задевает самолюбие.

— Мне было по фиг.

— Это потому, что у тебя была куча поклонников, а ты нос воротила. Я помню, как мы гуляли в шестом классе. Тройками. Мы ходили вокруг школы. Впереди Антон, Санек и Андрюха, а мы с тобой и Настюха — за ними. Мой дед говорил тогда, что мы все «играем в любовь», а я только ржала, думала, что он ничего не понимает и говорит так специально, чтобы позлить меня... Думала, что у нас — все серьезно и через некоторое время будут не пара троек, а три пары. Но получилась всего одна: я плюс Абаев. Он был единственным парнем, который обращал на меня внимание, а мне он просто нравился. Смазливый, голубоглазый, кудрявый — почему бы и нет? Нестыдно показаться с ним перед подругами. Потом я привязалась к нему, а потом... все это затянулось на два года. У меня целый год никого не было.

— Но у тебя же есть Сэм, — попыталась съязвить я, но получилось несмешно.

— А меня у Сэма нет, — грустила Нина. — Вчера он написал, что у него появилась герлфренд. Из его колледжа. Уже месяц встречаются. Боялся мне сказать.

— Зато английский подтянула.

— Знаешь, что вчера англичанка отожгла, когда пересаживала меня от Зайцева?

— Ну?

— Расставашки — всегда печалька.

* * *

На школьной новогодней дискотеке нам быстро стало скучно, и мы с Нинкой спустились вниз. На первом этаже у раздевалки сидела девочка и тихо вытирала слезы. У нее были длинные русые волосы, завязанные в высокий хвост. Короткое серое вязаное платье и несуразные коричневые туфли на ногах. По краю рукавов была пришита блестящая мишура.

Я подошла ближе и села рядом. Нинка села с другой стороны от девочки.

— Привет, — сказала я. — Тебя кто-то обидел?

Девочка подняла заплаканные синие глаза и завертела головой. Я узнала ее. Это была та самая малышка из пятого класса, которая влюбилась не в того парня. Мисс-Этот-Неловкий-Момент.

— А чего тогда плачешь? — спросила ее Нинка, протягивая пачку бумажных платков.

— Просто меня Дима не любит, — ответила девочка, и слезы полились еще сильнее.

— А тебя как зовут?

— Вика.

— А мы Наташа и Нина, — представились мы. — Расскажи о нем. Может, мы сможем тебе помочь, если ты, конечно, хочешь.

— Очень, очень хочу! — обрадовалась Вика и начала свой рассказ.

В свои неполные одиннадцать лет Вика уже успела пару раз влюбиться — «серьезно и повзрослому». Ее последней и безответной любовью оказался одноклассник Дима, с которым она сидела за одной партой с конца первого класса.

Дима был мальчиком смазливым и талантливым, хорошо играл на пианино и пел хрипловатым детским голосом, который вот-вот начнет ломаться. Благодаря своим талантам и способностям, Дима быстро занял место в школьном хоре и часто выступал на праздниках и торжественных мероприятиях.

Влюбленная Вика поначалу тоже рвалась в школьный хор, однако учитель музыки, неизменно игравший на баяне, хвалил ее лишь за хорошую память и несвойственную современной молодежи скромность. Вика быстро учила тексты песен, но природа не наградила ее ни слухом, ни голосом. Так что в участии в хоре Вике было отказано.

Но она не сдавалась.

Дима не проявлял к ней особой симпатии, они почти не разговаривали, хоть и сидели все время за одной партой — их скромное общение сводилось к тихому списыванию математики. Иногда Вика набиралась смелости и смущенно спрашивала у Димы, сколько времени. На большее фантазии и смелости не хватало.

Тем не менее на протяжении трех с лишним лет Дима дарил Вике подарки. Два раза в год: на день рождения и на Восьмое марта. Вика отвечала тем же. Еще был День всех влюбленных. До этого года Вика совсем не обращала внимания на огромную коробку, обклеенную блестящей упаковочной бумагой розовых оттенков — стоявшую на первом этаже у входа в школу. Школьники пихали туда самодельные и не только валентинки с указанием класса и фамилии возлюбленного. В этом году Вика самая первая рвалась к дурацкому ящику. Не успев отдышаться, она стояла у стола и торопливо писала свое признание на обгрызенной половинке альбомного листа тупым простым карандашом. Простые слова: «Дима, я тебя очень люблю! Вика» — возможно, и удивили бы его, если бы он читал их впервые.

Вика признавалась ему в любви около пяти-шести раз — она сама толком не помнила. Запоминались лишь особо неловкие моменты. Пару недель назад Дима грустно ходил около школьного крыльца, а Вике, гулявшей в то время с подругой, очень хотелось поговорить с ним, и она просто не смогла придумать ничего умнее, как просто сказать: «Дима, а я тебя люблю...» Это было бы не так ужасно, если бы с крыльца в тот момент не спускалась их молодая класснуха Лариса Викторовна, которая, услышав недетское признание Вики, добавила: «Я тоже...»

Бедная Вика потом долго еще просыпалась ночью и поражалась своим необдуманном поступкам. Она искренне удивлялась и не понимала: что же мешает им быть вместе? Не понимала: «Я ведь столько раз сказала ему, что люблю его! Почему он не говорит мне того же? В чем проблема, а?» И в глубине души начинала потихоньку разочаровываться и понимать, что слово «люблю» — совсем не волшебное: сказал кому-то и в тебя тут же влюбились, взаимно и с той же силой.

Нет, уяснила Вика. Все не так просто.

Но сегодня, за два дня до Нового года все стало на свои места: смазливый Дима стал активно ухаживать за хорошенькой Ирочкой. Весь вечер Дима не сводил с нее восхищенных глаз, приглашал на все медленные танцы, постоянно улыбался ей, шептал что-то на ушко, крепко

прижимал к себе и даже пытался поцеловать. Правда, Ира не далась — громко рассмеялась и, довольная, убежала к подружкам, которые жаждали подробностей.

На этом моменте Вика не выдержала и ушла плакать вниз.

— Тяжелый случай, — вздохнула Нинка. — Парни дебилы, даже десятилетние. Я его видела, кажется.

— Правда, красивый? — улыбнулась Вика.

— Ничего, — пожала плечами Нинка. — Мелкий только. И жирный.

Вика резко перестала улыбаться и задумалась.

— Серьезно, — сказала Нина. — Он не стоит тебя. Может быть, сейчас ты его не устраиваешь, но он увидит тебя лет через... десять и офигеет. Я тебе гарантирую.

— Правда? — не могла поверить Вика. — Но десять лет — это так долго.

— Ты что, будешь ждать его? — спросила я.

— Придется, — вздохнула Вика.

— Вика, — обратилась к ней Нина. — Послушай меня. Сейчас тебе кажется, что мир рухнул, что Дима единственный и все такое, но поверь, это не так. Тебе же десять лет. Плюнь на него и полюби себя, будь наглой, будь вредной — и тебе будет принадлежать мир, а такие, как Дима, будут носить тебя на руках и сдувать пылинки. Ты любишь себя?

— Наверное, нет. Что же мне делать?

— Просто верь, что ты лучшая, — ответила я. — Можешь даже не говорить об этом вслух, просто верь.

— Просто не бегай за ним больше, — советовала Нина. — Не гуляй с ними, не признавайся в любви. Будет сложно, но я справилась. И Наташка справилась, — подмигнула мне. — Мы все через это проходили.

* * *

Мы проводили Вику до дома и через час уже сидели втроем в «Макдоналдсе» у метро.

С Настей мы знакомы еще с детского сада. Мы шептались во время тихого часа, таскали с обеда еду для щенков и котят, живших в подвале. Потом пошли в одну школу. Летом — гоняли в футбол и на велосипедах, зимой — лыжи, снежки и ледяная горка.

Мне вспоминалась всякая ерунда: как на продленке пили горячее молоко с гренками или как ездили в бассейн и, греясь, орали песни в сауне. Настя и Нинка на верхней полке, я и Коля — рядом. И вдруг он запел: «А не спеть ли мне песню о любви да не выдумать ли?» Я продолжала: «Новый жанр, попопсовей мотив... и стихи, и всю жизнь получать гонорар...»

— Поедем в Питер? — спросила Нинка.

— Эх, я так в Неве и не искупалась... — сказала Настя. — А так хотела.

— Насть, в Неве даже рыба не купается... — добавила я.

— Помните, в прошлом году, когда мы ночевали в гостинице, нам заклеивали двери номеров скотчем, чтобы мы не бегали ночью друг к другу?

— А мы с Наташкой все равно бегали, да и остальным скотч с дверей сдирали, чтобы думали, будто и они выходили!

Мы смеялись на весь «Макдак».

— А я помню, как Анна в седьмом классе засекла Наташку с Колей... — начала Нинка. — Как они целовались под лестницей во время физры.

— А вы не знали, что делать... — вспоминала Настя. — Но ты уже тогда умела отжигать. Это же надо было сказать, что вы репетировали «Снежную королеву»!

— Да, — соглашалась я. — Это под Новый год было, мы спектакль готовили для родителей. Я играла маленькую разбойницу, а Коля — северного оленя.

— Я помню, у него даже шапка была с рогами, зеленая такая.

— Мне тогда не до смеха было... — отвечала я. — Боялась, Анна матери скажет.

— Где Новый год встречать будем? — спросила Настя. — Предложения есть?

— На дачу к Мишке. Он давно уже зовет всех. Чем больше народу, тем лучше! Кстати, вчера он научил меня петь не в ноты. Это та-а-ак весело!

— Это как?

— Это когда специально перевираешь мотив и стараешься петь так, будто у тебя совершенно нет слуха. Чем хуже, тем лучше. Это ведь не так просто, как кажется. Но это безумно смешно и жутко весело. Мы весь вечер угорали. У нас даже любимая песня есть уже...

— Это какая, интересно?

— Я знаю точно, невозможное возможна-а-а! — пропела дебильным голосом, стараясь перевернуть мотив как можно сильнее.

— Ребят, мы здесь все ненормальные, — серьезно сказала Нинка, допивая молочный коктейль. — Особенно я.

— Что ты опять наделала?

Нина достала телефон, нашла фотографию и протянула нам. Загорелый яркий блондин с бирюзовыми глазами и белозубой улыбкой.

— Симпатичный, — оценила Настя. — Кто это?

— Это Дитер из Мюнхена, — гордо ответила Нина. — Ему двадцать. Позавчера на фейсбуке познакомились. А что? Английский я уже подтянула. Теперь подтяну и немецкий.

* * *

В ночь с двадцать девятого на тридцатое декабря я сидела «Вконтакте» и мысленно подводила наши итоги за прошедший год.

Больше всех повезло Насте и Мишке.

Нинке везло с иностранными языками.

Я же была свободна и почти спокойна.

Так я думала, слушая музыку со страниц девчонок. Так же я думала спустя десять минут, намыливая голову лимонным шампунем, а музыка все играла, играла. Сквозь строчки, которые я знала наизусть, доносились уведомления о новых сообщениях.

Потом я сушила волосы и мазала руки кремом, пила кефир и думала, в чем встречать Новый год на даче.

В три часа ночи глаза слипались. «Вконтакте» пришло два сообщения. Одно от Насти, а второе... от парня в черной шапке с прилипшими снежинками.

К. прислал одно-единственное слово, о котором я мечтала почти целый год.

Привет)

Он ушел офлайн еще час назад, а я сидела, смотрела на это слово и плакала.

Ваня

Странно: нас представили друг друг два часа назад, а мне кажется, будто уже давно знаю эту девушку. Мне знакомо ее лицо, я уже где-то слышал этот голос, ощущал запах туалетной воды, улыбался в ответ на улыбку и ловил где-то ее взгляд.

— Мне кажется, я уже где-то тебя видел, — сказал я Наташе, когда она держала мою руку над раковиной и лила перекись водорода на ссадину.

— Мы уже познакомились, — улыбнулась она. — Можешь не стараться.

— Нет, я серьезно, — настаивал я.

Наташа осторожно дула на мою ладонь, мазала ее зеленкой, а после клеила пластырь к моей ладони. Сначала один, потом второй. Это надо же было так навернуться с ледяной горки за полчаса до Нового года.

— Не грусти, — улыбнулась Наташа. — К майским праздникам заживет. Я в сентябре на велике каталась, так же навернулась. Больше месяца заживало.

— Больно было?

— Нет, скорее обидно, — смеялась она. — Проехала три дома и упала в крапиву. Я просто не

умею тормозить. Ехать могу, а тормозить нет.

— Я могу научить тебя, когда снег растает.

— У тебя есть велосипед?

— Да, я в школу на нем езжу, — ответил я. — Живу недалеко, на Королева, а все равно опаздываю. Встаю в восемь, даже позавтракать не успеваю.

— Хочешь, я буду писать тебе эсэмэс в семь тридцать, чтобы ты успевал поесть перед школой?

— Хочу. Запиши мой номер и позвони мне, — сказал я.

Наташа достала смартфон, провела пальцем по экрану, на миг появилась фотография вампира Эдварда. Моя сестра без ума от него. Девчонки такие девчонки.

Я продиктовал свой номер и узнал номер Наташи.

— Ты любишь «Сумерки»?

— Нет, — ответила Наташа. — Я не смотрела ни одного фильма. Пыталась посмотреть самый первый, но заснула через пятнадцать минут.

— Но у тебя на экране...

— Это не он, просто похож.

По коридору мимо кухни, где мы сидели, пробежал Миха в сером меховом жилете, который стащил у одной из подружек Наташи. То ли Настя, то ли Нина. Я запомнил имена, но не запомнил девчонок. Я видел только ее, Наташу.

— А мне идет, — говорил Миха, вертясь у зеркала в меховой жилетке. Девчонка крутилась рядом и смеялась. — Можно носить зимой с кожаной курткой. Будет не так холодно. Наверное, себе оставлю, хорошая вещь.

— Миш, перестань! — хохотала девчонка. — Снимай давай, растянешь ведь.

— Подожди, — сказал он и полез в карман. — Сфоткай меня сначала.

— И «Вконтакте» выложу сразу.

— Поздравление для друзей написать не забудь.

— Готово, — улыбнулась девочка, сфотографировав Миху. Он молча привлек ее к себе, укутал меховой жилеткой, поцеловал в нос, а потом в губы.

— А где Наташка и Ванька? — задумался Миха. — Пойдем во дворе поищем. Может, заблудились.

Мы промолчали по обоюдному согласию. Наташа снова провела пальцем по экрану, потом еще раз по лицу вампира.

— Твой парень?

— Друг, — вздохнула Наташа. — Лучший друг.

Я заметил татуировку на ее правом предплечье. Всего три слова на языке, который я не учил. Наверное, немецкий.

До Нового года оставалось десять минут. Из гостиной доносились радостные крики, музыка и оживленные диалоги.

— Как это переводится? — спросил я.

— Jedem das seine, — сказала Наташа. — Каждому свое.

— Кажется, я уже когда-то слышал это.

Наташа улыбнулась и пожала плечами, а я вспомнил Элю. Это она мне рассказывала еще осенью, когда мы стояли на балконе и обсуждали девчонок во дворе. С тех пор прошло два с лишним месяца. Эля ни с кем не встречалась, а «Вконтакте» у меня была обозначена как «лучший друг». В этой группе была только она одна.

За окном сухими хлопьями, будто в замедленной съемке, падал снег.